

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПРИКВЕЛ ФИЛЬМА
РОБЕРТА РОДРИГЕСА И ДЖЕЙМСА КАМЕРОНА

АЙРОН СИТИ

АЛИТА

БОЕВОЙ АНГЕЛ

Алита. Боевой ангел

Пэт Кэдиган

Алита. Боевой ангел. Айрон Сити

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Кэдиган П.

Алита. Боевой ангел. Айрон Сити / П. Кэдиган — «Издательство АСТ», 2019 — (Алита. Боевой ангел)

ISBN 978-5-17-109031-9

В новом мире, оставшемся после Великой войны, изменилось все. В тени огромного города Залема, висящего в небе, раскинулся мегаполис, где люди живут посреди тонн мусора, сброшенного сверху. Здесь процветает преступность, здесь люди борются за существование, а биология и техника слились воедино. Добро пожаловать в Айрон сити! Дайсон Идо – одинокий доктор, ремонтирующий киборгов и старающийся изо всех сил помочь жителям Айрон сити. Но Идо ведет двойную жизнь, ведь он никак не может забыть о том, почему оказался здесь, внизу, посреди этой огромной свалки. Хьюго, молодой человек, перебивающийся мелкими кражами, решает, что ему улыбнулась удача, вот только казавшаяся выгодной афера неожиданно приводит Хьюго к тайнам, скрытым в его собственном прошлом. Вектор, самый могущественный бизнесмен в городе, хочет завладеть новой технологией, способной дать ему безграничную власть. Никто из них еще не знает, что вскоре их пути сойдутся, а мир вокруг изменится навсегда.

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

ISBN 978-5-17-109031-9

© Кэдиган П., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пэт Кэдиган

Алита: Боевой ангел

Айрон сити

*С благодарностью
Ивонн Наварро, которая дала мне дорожную карту.
Без тебя я бы не справилась и Аманде Хемингуэй, она же Джен
Сигел.*

*Даже не знаю, с чего начать, как перечислить все то, что я бы не
смогла сделать без тебя*

*И, разумеется, Настоящему Крису Фаулери, моему единственному
возлюбленному во всей Вселенной*

Alita: Battle Angel TM & © 2018 Twentieth Century Fox Film Corporation. All rights reserved

* * *

Пролог

Как сказал в конце 1870-х годов генерал Уильям Текумсе Шеридан, «война – это Ад». За сотни лет, что прошли с тех пор, как армия Шеридана сожгла город Атланта в штате Джорджия, многие соглашались с его словами.

Никому, впрочем, никогда не приходило в голову добавить, что война – явление временное. Она может быть короткой или невыносимо долгой. Но все войны без исключения заканчивались.

Чего нельзя сказать об Аде.

Ад невозможно завершить. Ад – не временное явление. Ад вечен и населен заблудшими душами, что затерялись в безумии войны и не нашли себе места, когда она завершилась.

Как всегда, время продолжает течь, воспоминания о сражениях тускнеют и в конце концов вовсе пропадают из людской памяти. События становятся частью истории, а та изменяется и мутирует из поколения в поколение, в извечной игре в испорченный телефон. Уинстон Черчилль заметил, что историю пишут победители. Но если нет надежных способов записать и сохранить сведения о событиях по мере их развития, история отходит в прошлое вместе с вершившими ее людьми и уступает место рассказам, которые человечество может запомнить. А когда большая часть дня занята вопросами выживания, люди запоминают очень мало. Лишь тот, кто ест досыта и чувствует себя в полной безопасности, может позволить себе заглядывать в прошлое. Для менее везучих история – просто что-то, случившееся до их рождения.

В этом плане история человечества на Земле подошла к концу.

Большинство людей воображало, что человеческая история прервется, когда исчезнет само время, когда Вселенная схлопнется, или взорвется, или погаснет как лампочка. Процесс мог включать некое божество, которое стало бы судить человечество, а мог обойтись и без него. Но взрыва не было – только шепоток, такой тихий, что его никто не расслышал. Истории пришел конец по одной простой причине: после Войны ее никто не писал.

До войны существовало множество культур, которые обменивались друг с другом достижениями науки и техники, чтобы добиться невероятных успехов. Надо всеми главенствовали небесные города, двенадцать сверкающих метрополий, витавших над разными частями земного шара. В них люди видели доказательство того, что человечество достигло наконец наивысшей точки своего развития, может быть, даже просветления. Никогда прежде за всю историю Земли на ней не существовало летучих городов. Те, кто жил наверху, пользовались всяческими удобствами и привилегиями. Те, кто оставался внизу, смотрели на них с гордостью и надеждой.

А потом разразилась Великая Война, жестокая и кровопролитная, как любая война. Погибли миллиарды людей, мир был разорен, все доброе и светлое, что в нем существовало, оказалось уничтожено. Прекрасные творения, которые человечество считало своими последними и величайшими достижениями, рухнули на землю. Все, кроме одного. Потрясенному и раздавленному человечеству стало не до истории. Да, была Война, был Враг, с которым люди боролись до последнего. Многие погибли, многое утрачено, надежда умерла. Что тут еще знать?

Те, кто остались в живых на земле, собрались в тени Залема, последнего летучего города, образовали некое подобие цивилизации, построили подобия обиталищ из обломков и металлолома и создали подобие общества из остатков идеалов и порядка. Возникла иерархия; верхушка процветала и благоденствовала, все остальные состязались за места пониже.

Добро пожаловать в Ад.

* * *

Но для того чтобы Ад мог быть по-настоящему адским, ему нужны зрители, которые могли бы его оценить, узнать что-то новое – или, по крайней мере, развлечься, – благодаря тому, что в нем происходит. Но зрители не бездеятельные. Довоенные технологии сделали многие развлечения тех дней интерактивными. Так чего бы не продолжить эту традицию?

Зрителей было не так уж много. С другой стороны, и население Залема было не так уж велико. Это позволяло сократить влияние на окружающую среду. И обеспечивало немногим избранным более комфортную жизнь. В летучем городе многое изменилось: после Войны все стало другим, и большая часть изменений была философского толка.

Как только завершились военные действия, обитатели Залема признали достоинства более жесткого общественного устройства с сильным правлением. Все надеялись, что новая война начнется еще не скоро, но, в случае чего, явная и сильная власть не позволит им стать жертвами случайного несчастья.

По правде говоря, наличие бесспорного правителя было необходимо для их выживания. Дни изобилия, когда в небесах витала дюжина городов, и путешественники могли прилетать и улетать, когда пожелают, навсегда ушли в прошлое. Неизменной оставалась полная зависимость Залема от поддержки с земли – от нее городу не избавиться никогда.

А те, кто жил на земле, были всегда готовы – рады! – поддерживать последний небесный город. Залем символизировал вершину человеческих достижений, которой оно, возможно, однажды сумеет достичь вновь.

Но до той поры между землей и летучим городом не могло существовать никакого сообщения. Технологии воздухоплавания оказались утрачены. К тому же это позволяло сохранять стабильность обоих поселений. С этим все должны были согласиться – выгоднее объединиться под властью одного правителя. А лучшим единовластным правителем Залема и наземного сообщества, которое со временем стало называться Айрон сити, мог стать тот, кто способен был в буквальном смысле надсматривать за ними сверху. Эти обязанности взял на себя глава Залема, назначив нескольких избранных представителей на земле.

Глава жил очень долго, его возраст показался бы большинству людей невероятным, невообразимым. Он был слишком стар, чтобы приходить в восторг от одной только возможности владычествовать надо всем в небе и на земле. Власть скучна, если не доставляет удовольствия. Долгая жизнь сделала его экспертом по части удовольствий, и он знал, что не найдет их, оставаясь простым надзирателем. Он должен был оставаться Наблюдателем *in situ*, без необходимости покидать уют летучего города.

Так Ад стал интерактивным аттракционом, а нога Наблюдателя ни разу не ступала на землю.

* * *

Что до истории – то она утратила значение. Важным было то, что случилось вчера, позавчера или неделю назад. История закончилась. Ну, случилась какая-то Великая Война против Врага. Ну и что? Никто не помнил, кто и зачем сражался в этой Войне. Она закончилась триста лет назад. Пора бы выкинуть ее из головы.

Глава 1

– Хорошо, Сарита, расслабься на минутку, – обратился бледный худой мужчина к пациентке на смотровом столе. Тело женщины средних лет, с добродушным круглым лицом в нимбе черных с сединой кудряшек, заканчивалось ключицами. Ниже не осталось ничего – по крайней мере из того, что было дано ей с рождения. Пациентка была одним из прошедших процедуру Полной Замены киборгов, которые регулярно обращались в клинику. Женщина решила на ПЗ в достаточно юном возрасте. Без сомнения, кто-то на Заводе заверил ее, что именно так можно преуспеть. Как будто на Заводе кому-то и вправду когда-нибудь удалось преуспеть.

В тот момент он уложил руку женщины на упоре так, что она лежала под прямым углом к телу, кистью на подносе. Тело, на которое она променяла собственное, надежно служило ей много лет, но наверняка не так долго, как ей было обещано. Последнюю пару месяцев Сарита заглядывала в клинику по крайней мере раз в неделю для заметы той или иной детали. В Айрон сити она была не единственным киборгом, страдавшим от последствий некачественной работы. Бледный мужчина помогал этим людям с тех пор, как попал в Айрон сити.

Тогда клиника была семейным делом. Теперь у него больше не было семьи, и все труднее было отстраняться от безрадостных реалий жизни в Айрон сити – не только во время ежедневных приемов в клинике, но и в другой, ночной, работе.

– Ну что, удобно? – спросил он пациентку. – Отлично. Теперь мне надо, чтобы ты подумала о своей правой руке.

– Которой? – спросила женщина.

Сидевший в другом конце комнаты в переделанном зубо врачебном кресле мальчишка расхохотался. Мужчина уже и позабыл о нем. Повернувшись, он нетерпеливым жестом велел тому умолкнуть, хотя и сам не удержался от смешка.

– Насколько мне известно, Сарита, она у тебя всего одна.

– Да, но... – женщина поморщилась. – Просто сначала я подумала о своей старой, живой руке. А не настоящей.

– Они обе настоящие, – поправил мужчина, стараясь говорить одновременно успокаивающе и твердо. – Помнишь, я рассказывал тебе о том, что у тебя в уме хранится что-то вроде картинки твоего тела? Так вот, для твоего ума рука – она рука и есть. По правде говоря, будет даже лучше, если ты станешь думать о своей живой руке. Нам нужно, чтобы твой ум решил, что это и есть рука, которая была у тебя с рождения.

– Но если все нервы подсоединены, почему бы ему так не думать? – спросила женщина.

– Слишком долго объяснять. Но даже когда все должно работать как надо, приходится прибегать к мелким уловкам, чтобы помочь разуму, – ответил мужчина.

– Не думаю, что смогу отпроситься с работы так надолго.

– Да, подозреваю, не сможешь.

Пальцы женщины шевельнулись, потом начали постукивать по подносу. Она услышала звук и подняла голову. Ее пальцы продолжали двигаться.

– Вы только поглядите на это!

Мужчина помог ей сесть.

– В этом-то вся суть, – жизнерадостно сказал он. – Как ощущения?

– Будто родная, – ответила женщина, по-прежнему постукивая пальцами по подносу. – И никакого прерывания, – ее улыбка слегка увяла. – Надеюсь, она не перестанет работать.

– Приходи снова, если начнутся какие-то проблемы. Мужчина колебался. Ему хотелось сказать женщине, что он работал над проектом и что, если все получится, ни у одного киборга больше не будет задержек двигательных функций между новыми и старыми частями. Это было бы для нее большой радостью, а ей не мешает повод для радости, приятного ожидания. Но

он не знал, сколько времени ему понадобится, чтобы заставить чип работать как положено. Еще две недели, или месяц, или полгода? А может, чип взорвется прямо у него в руках, и придется начинать работу с нуля.

Она и все, кому она об этом расскажет, между тем, будут ждать, поначалу терпеливо, но потом со все большей и большей тревогой. И он, не произведя на свет мгновенного чуда, не сможет даже объяснить почему, по крайней мере так, чтобы они поняли. И в итоге все будут несчастливы.

Самым жестоким было бы обнадежить этих людей слишком рано. Если ему так хотелось прослыть добрым малым, он мог раздавать леденцы. Леденцы были осязаемыми и нравились всем его пациентам. Мужчина вытащил конфету из банки на столе и передал женщине.

– На всякий случай, – сказал он, – я могу показать тебе один фокус с коробкой и зеркалом, который...

– А вы уже показывали, помните? – сказала женщина, пряча лакомство в нагрудный карман рабочего комбинезона. – Когда развалилась моя левенькая, – она покрутила левой рукой, – а с новой вышла заминка, и мне все время казалось, будто кто-то выкручивает мне пальцы, хотя у меня их и не было.

– Он может помочь и с координацией, – сказал мужчина.

– Seriously? – спросил мальчишка, развалившись в кресле. – Зеркало в коробке?

Киборг сердито глянула на него.

– Тебе-то какое дело, пустомяс?

Она тут же повернулась к мужчине с извиняющимся выражением лица.

– Вы уж не обижайтесь, док.

Мужчина рассмеялся.

– Все нормально, Сарита.

Он проводил ее из кабинета и вышел в приемную, чтобы позвать следующего пациента. Ряд кресел в коридоре перед смотровой комнатой был пуст.

Доктор нахмурился, стараясь припомнить, кто сидел здесь до этого. Может, стоило велеть Хьюго пойти и записать их имена? Всегда важно обращать внимание на ожидающих.

С другой стороны, может, и не стоило, подумал он, услышав позади себя звук удара. Не пристегнувшись предварительно, мальчишка наклонил кресло под большим углом и соскользнул с него на пол головой вперед.

– Поставь кресло обратно как было, Хьюго, – велел мужчина. – Или, по крайней мере, поверни так, чтобы людям не приходилось сидеть вверх ногами.

С порозовевшим от смущения лицом мальчик поправил сиденье и устроился в другом, не столь вычурном, кресле возле стола. Раньше оно принадлежало помощнице и, по совместительству, супруге бледного мужчины. Его оказалось не так-то просто отыскать. Бывшая супруга настаивала, что ей нужна хорошая опора для поясницы. Когда же он наконец нашел это кресло, она принялась жаловаться, что оно было недостаточно хорошим. Все казалось ей недостаточно хорошим – особенно по сравнению с тем, что у них было до того, как они попали в Айрон сити.

Хьюго принялся кататься на кресле по кабинету. Загрохотали колесики. Мужчине могло бы прийти в голову, что когда семнадцатилетний парень не находит лучшего развлечения, чем кататься на кресле по кабинету киберхирурга, это многое говорит об Айрон сити. Но он достаточно хорошо знал Хьюго, чтобы понимать, что тот не просто мается от скуки. Хьюго частенько заглядывал в клинику, и у мужчины никогда не хватало духу его выгнать, как бы он ни был занят. И без того слишком многие отвернулись от мальчика.

– Меня-то вам не обмануть, – внезапно сказал Хьюго.

– Это ты о чем? – слегка обеспокоенно спросил мужчина.

– Я знаю, откуда у вас эта отметина, – заявил Хьюго, ткнув пальцем себе в лоб. – Это не след от какого-нибудь прыща, или ветрянки, или удара шарикоподшипником во время игры в моторбол. И не родинка.

– Ну что же, поздравляю.

Мужчина уселся перед верстаком в дальнем конце комнаты и снял повязку с наполовину разобранного плечевого сустава, присоединенного к руке.

– Раз у меня сейчас нет других пациентов, я хотел бы поработать в тишине и покое, так что посиди молча.

– Над чем ты работаешь? – спросил Хьюго.

– Чип для улучшения характеристик.

Мальчишка рассмеялся.

– А что, бывают чипы для ухудшения характеристик?

– В этом городе – сколько угодно, – ответил мужчина, наклоня лупу так, чтобы взглянуть на шарнир.

– Готов поспорить, что в Залеме сплошная тишь да гладь, – сказал Хьюго. – Там вам, наверное, выделили бы звукоизолированную комнату и армию охранников, чтобы защитить от хулиганья вроде меня. С чего вообще было переселяться?

Мужчина принялся изучать ползущие по монитору строчки.

– Так вот, раз вы оттуда, то все сразу становится понятно, – продолжил через несколько секунд Хьюго. – В смысле, в Айрон сити есть довольно умные люди – я и сам не дурачок. Чтобы здесь выжить, нужно иметь хоть *какие-то* мозги. Но даже самые умные не знают, чем вы занимаетесь. Они не... – он умолк, подыскивая слово, – *образованные*.

Бледный мужчина, поправлявший тончайшие проводки у самого плечевого сустава, остановился и посмотрел на мальчишку. Его оценка собственного интеллекта была верна, он определенно не был дурачком. Но Хьюго даже не осознавал, насколько он на самом деле умен, у него было слишком много мозгов для его собственного блага. Что вполне могло его сгубить.

– У нас в Айрон сити с образованием не очень-то здорово, – продолжал мальчишка. – Людей заставляют получать образование, только чтобы они могли работать на Заводе, когда вырастут. Там нужны послушные пчелки, которые умеют читать, писать и считать после десяти, не снимая ботинок. Они...

– Хьюго, ты когда-нибудь перестаешь говорить? – спросил мужчина и немедленно пожалел об этом, увидев выражение его лица. – Прости, я не хотел... – он замаялся. – Просто я все время сбиваюсь с мысли, а это очень важный проект. Он может серьезно изменить то, как работают тела киборгов, особенно с ПЗ.

– Да? Жалко, что вас тут не было, когда очурился мой старик. Глядишь, с вашими «улучшенными характеристиками» он бы еще лет двадцать протянул на Заводе. – Хьюго подкатился к верстаку. – Ну и что такого замечательного в этом чипе?

– Он улучшит соединение между новыми и старыми деталями. Таким образом уменьшится отторжение и улучшится процесс заживления. То есть понадобится меньше лекарств. Есть и другие возможности: больше никаких прерываний сигналов, задержек или путаницы.

Мужчина понемногу входил во вкус. На самом деле он скорее размышлял вслух. Но было куда приятнее размышлять вслух при собеседнике, пусть даже это был уличный мальчишка, который понимал от силы два слова из пяти.

– Понимаешь, иногда случается так, что в ситуации большой или длительной нагрузки киборг хочет совершить некое движение – может быть, небольшое, только пальцами, или более значительное, например, подняться по ступеням, – но ничего не происходит. Заминка обычно длится полсекунды-секунду, но она ошарашивает, сбивает с толку, особенно если он в этот момент совершал какое-то сложное действие.

Но если ему повезет достичь состояния потока, то, когда происходит заминка, возникает ощущение, будто земля уходит из-под ног. Если мне удастся сохранить поток для киборгов, я умру счастливым. – Он нахмурился. – Нет, я умру счастливым, если мне удастся избавиться и от задержек и заиканий. По сути, это те же прерывания, но масштабом поменьше: ты хочешь сделать движение, ничего не происходит, и ты делаешь его вновь. В отличие от эха, во время которого одно задуманное движение повторяется два раза или больше.

Проблема – в смысле, проблема *в целом* – заключается в скорости передачи сигналов мозга. Даже самое совершенное кибернетическое тело работает не так быстро, как человеческие нервы. *Почти* так же, но не более. Я пытаюсь разогнать кибернетическое тело – а не просто ускорить движение. Хотя по большей части у меня выходит именно ускорение движения.

Он хотел было продолжить, но решил пожалеть парня, который ухитрился не уснуть во время этой лекции.

Хьюго долго молчал. Потом произнес:

– Вот об этом-то я и говорил: в Айрон сити такому нигде не выучиться.

– Я мог бы тебя научить, если захочешь, – сказал мужчина.

– Вот уж нет. Какой из меня доктор Хьюго? Вы за этим сюда переселились, чтобы делать докторов из таких, как я? Ни за что не поверю. Я едва могу поверить в то, что вы чините киборгов. Почему вы не остались в Залеме, где могли получить все, что пожелаете? Зачем было селиться в этой дыре?

От необходимости выдумывать, как увильнуть от ответа, доктора избавил звук открывшейся и захлопнувшейся двери клиники.

– А вот и мой следующий пациент, – сказал он. – Сделай одолжение, проводи его сюда, хорошо?

– Ладно, док, – сказал Хьюго. – Сделаю вам одолжение. Но работать у вас на ресепшене я не собираюсь.

– Бывает работенка и похуже, – заметил мужчина.

Хьюго рассмеялся.

– Но у меня уже есть работенка куда лучше.

* * *

Как обычно, во второй половине дня дела пошли живее. К тому времени как ушел последний пациент, мужчина так устал, что не смог проводить его до двери. Он упал в переделанное зубоврачебное кресло, с которым раньше баловался Хьюго, и поднял ноги вверх. Когда Хьюго спросил, не нужно ли что-то еще сделать, прежде чем он уйдет, мужчина только махнул рукой.

– Ладно, док, – сказал Хьюго. – Увидимся завтра!

«Да уж куда мы денемся», – ответил бледный мужчина про себя.

* * *

Доктор Дайсон Идо, высокообразованный киберхирург, к которому обращались все киборги Айрон сити, добрый самаритянин и лучший друг уличных мальчишек, страдавших от переизбытка мозгов, сказал себе, что ему всерьез следует задуматься о том, чтобы нанять помощников. По меньшей мере медсестру. На деньги, что ему давала вторая работа, вполне можно было нанять кого-нибудь приличного, хотя их и не хватило бы на то, чтобы отправить Хьюго в медицинский колледж. Проблема была не в деньгах. Завод отбирал очень немногих, кому было позволено продолжать образование. Остальные, как Хьюго, оставались плавиться в горниле социал-дарвинизма Айрон сити.

Но Идо все еще надеялся, что ему удастся пробудить любознательность в уличном мальчишке, который видел в нем в первую очередь покупателя разнообразных деталей – когда не выпытывал информацию о Залеме.

Хьюго казался сообразительней большинства детей Айрон сити. У него была компания приятелей, с которыми он тусовался, играл в моторбол и гонял на гиро-байках. Время от времени появлялись подружки, но ни одной не удалось удержать интерес Хьюго надолго. У него на уме было кое-что другое. Он так много говорил о Залеме, что порой Идо начинало казаться, что город стал для мальчишки навязчивой идеей. Из этого не могло выйти ничего хорошего.

Залемской горячкой в определенный период жизни болели практически все молодые люди нижнего города. Им нравилось воображать, как они одолеют систему и проберутся в последний, величайший на свете небесный город, который не удалось разбить давнему Врагу. Молодежь жила верой в то, что если ты по-настоящему сильно чего-то хочешь, если готов на все, чтобы достичь цели, то все твои усилия, твоя мотивация станут таким волшебным бобовым стеблем, по которому ты сможешь взобраться в Залем. А наверху, благодаря проявленным решительности и отваге, тебя примут как героя.

Рано или поздно Залемская горячка проходила; и чем позднее, тем тяжелее был ход болезни. Но Идо понимал, почему люди с такой неохотой расставались с мечтами о летучем городе. Это все равно что отказаться от мысли о том, что в жизни может быть что-то еще, кроме унылой повседневности. Все равно что отказаться от Рая.

Идо невольно подумал о том, что существование Айрон сити было лучшим доказательством того, что между отказом от мечты по собственной воле и под давлением неодолимой суровой реальности существовало серьезное различие.

Такова была правда жизни не только в Айрон сити. Но и в Залеме. Большая часть обитателей летучего города об этом не подозревала. Они получали все, что желали, так что у них больше не было нужды мечтать.

Но только в том случае, если они были совершенны.

* * *

Его дочери суждено было стать совершенной. Как у всех жителей Залема, ее родословная была безупречной. Идо и Кирен вели правильную жизнь, не поддаваясь слабостям и распушенности.

И с его точки зрения его дочь *была* совершенной – самым прекрасным существом во всем их прекрасном воздушном городе. Ее болезнь не была недостатком. Залемские генетики что-то упустили, не сумели поправить все как следует.

Идо было все равно. Для него она была самым совершенством.

Проблема заключалась в представлении Залема о красоте.

Точнее, проблема была в представлении руководителя, Новы. Считалось, что хромированные линзы поверх глаз давали ему способность видеть больше, чем доступно обычным людям. Но Идо начинал думать, что все это ерунда, раз Нова не видел совершенства его дочери.

Именно Нова изгнал их из Залема. Он послал к ним домой расфуфыренных лакеев, которые сообщили, что им с Кирен придется покинуть город. Такое непростое решение, с извиняющимся видом сказали лакеи в опрятных лакейских пиджаках, но ничего не поделать, другого выхода нет. Порождение Идо и Кирен было настолько несовершенно, что не могло жить нормальной жизнью. Девочке требовалась помощь только для того, чтобы выполнять действия, которые другие выполняли самостоятельно. В Залеме подобное недопустимо. Его обитатели должны быть *лучше*, чем те, кто живет на земле. Иначе между двумя городами не будет никакой разницы, и с тем же успехом можно позволить всей этой немой толпе подняться наверх

и все тут изгваздать. Этого никто не хочет. Разумеется, Идо и Кирен понимают, как важно сохранить Залем в первозданном виде, особенно учитывая, что это последний небесный город.

Униженный и обозленный, Идо наконец осознал, почему в Залеме не жили люди с физическими отклонениями, инвалидностью или нарушениями психики, – почему между привилегированными обитателями не возникало даже серьезных разногласий, – и был только рад покинуть его. Но сначала он потребовал, чтобы Нова пришел к ним домой и сказал все это сам, лично ему, Кирен и их дочери. Чтобы он увидел не просто вычеркнутые из списка имена, но живых людей, осужденных на изгнание.

Кирен была совершенно раздавлена, но ее сердце еще не совсем застыло, в ней еще осталось достаточно человеческого. Она убедила Идо в том, что для их дочери было бы куда большим ударом услышать от самого правителя города, что она недостаточно хороша для Залема. В конце концов, отказ Новы увидеться с ними был единственной оказанной им милостью.

Способ их изгнания стал еще одним унижением. Создание летающих средств тяжелее воздуха было запрещено под страхом смерти. Нарушителей находили и уничтожали наземные роботы-центурионы. По большей части их задачей было пресекать попытки рожденных на земле забраться выше положенного им места – в буквальном смысле. Но нельзя было позволить и обитателям Залема слишком опуститься – тоже вполне буквально. Случись такое, жители нижнего уровня захотят посещать Залем, а это приведет к падению всего общественного строя. Последние три века в мире царили мир и стабильность. Никаких войн, внутренних волнений – никаких проблем. Было бы безумием ставить безопасность под угрозу.

Снабжающие трубы, которые поднимались от отправочных центров на земле к приемным станциям на Залеме, пересылали только грузы – еду, готовые изделия – и только в одном направлении. По ним ничего никогда не шло *вниз*. Залем существовал не для того, чтобы чем-либо снабжать мир под собой.

Что-либо могло отправиться вниз только одной дорогой – через неровную утилизационную воронку на нижней части диска Залема. Когда-то воронка была длиннее, став слишком большим искушением для земных сорвиголов, и ее пришлось укоротить. Так, по крайней мере, говорили люди. Все иные версии давно стерлись из людской памяти. Только те, кто получил хорошее образование, доступное в Залеме, знали больше.

Не то чтобы это имело значение. Если в двух словах, воронка всегда использовалась для сброса отходов, и только через нее Идо, Кирен и их дочь могли попасть на землю.

Нова разрешил им изготовить капсулу, в которой они могли бы пережить приземление без серьезных травм. Капсула годилась для одного-единственного приземления и вмещала в себя только их троих, и все. Им не позволили взять с собой ничего, что могло бы раскрыть подробности жизни в Залеме – как выглядит город, сколько в нем жителей, какая у них собственность. Лучше предоставить людям на земле самостоятельно воображать, насколько приятнее живется в Залеме. Узнав что-то определенное, они могли почувствовать недовольство и решиться на неразумные поступки.

Да, так *жаль*, что им придется оставить инвалидное кресло их дочери наверху. Но Идо и Кирен смогут сделать ей новое из подручных материалов. Нижний город недаром звался Айрон сити, или Железный город, – там было полно годного для переработки металлолома. Его жители научились мастерски приспособливать отбросы Залема для новых целей.

Приземление не было таким мягким, как обещали чиновники наверху, но Идо добавил в капсулу множество дополнительных подушек безопасности, в особенности для дочери. Девочка не получила ран или травм.

Последним унижением было место их приземления. Идо и Кирен знали обо всем заранее, но знание несколько не уменьшило потрясения, которое они испытали, открыв люк. Залем выкинул их вместе с мусором, *как мусор*.

А потом, как будто пытаясь сделать эту мысль донельзя очевидной, сверху посыпались новые отбросы, часть которых попала внутрь через открытый люк капсулы. Кирен испуганно уставилась на обломки пластика, покореженные куски металла, обрывки ткани, провода и детали машин. В следующую секунду она вырвалась из объятий подушек безопасности, подхватила дочь на руки и с искаженным от ужаса лицом бросилась наружу.

Идо пошел за ней с намерением отчитать за торопливость: если бы что-нибудь упало сверху, их могло убить. Пробираясь по хаотичному, предательскому пейзажу из мусора и отбросов многих поколений, он заметил небольшую площадку, поцарапанную, но целую. Он невольно поднял ее с мыслью: первая вещь для нового дома. А потом неожиданно понял, почему Кирен бросилась бежать. Для нее невыносимо было видеть что-то знакомое. Он отшвырнул площадку.

* * *

Их дочь была достаточно юной, и Идо надеялся, что ей будет относительно легко приспособиться к новой жизни. Разумеется, теперь в их распоряжении было куда меньше средств, но в любых обстоятельствах ребенок – это ребенок, даже если он инвалид. Дети не понимают, бедны они или богаты. Время от времени девочка спрашивала, почему им приходится обходиться без какой-то из привычных вещей. Но она охотно принимала объяснения Идо о том, что в Айрон сити некоторых вещей просто не бывает, и никогда не жаловалась. Что было только к лучшему – жалоб Кирен хватило бы на них всех.

Идо бодрился ради нее, старался убедить себя в том, что состояние их дочери не ухудшалось на глазах. Только когда Кирен швырнула в него мягким, полусгнившим помидором, Идо осознал, как низко они в действительности пали. Вся лучшая еда отправлялась в Залем. Айрон сити ел только то, что не пригодилось летучему городу.

Благодаря пациентам в клинике они открыли для себя черный рынок. Идо поразились тому, как быстро он стал для него таким же привычным, как обычный продуктовый. И все равно им пришлось бы закрыть клинику и ночевать где-нибудь под эстакадой, если бы они не открыли для себя моторбол. Или, может быть, моторбол открыл их. Благодаря пациентам по городу распространилась новость о двух киберхирургах, способных творить чудеса с помощью изолянты, медной проволоки и такой-то матери.

Работа приносила неплохие деньги – недостаточно, чтобы хотя бы приблизиться к прежнему уровню жизни, но семья ни в чем не нуждалась. Идо взялся за проект, который мог изменить жизнь их дочери к лучшему. Их дочь, А...

Идо открыл глаза как раз, когда собирался произнести ее имя вслух. В клинике было темно и тихо. Он уснул в кресле. Ему надо встать, перекусить и отправляться. Он нуждался в деньгах, которые можно было получить только за его ночную работу.

Однако кто-то колотил в дверь клиники и беспрестанно названивал в звонок. Это-то его и разбудило, сообразил Идо. Кому-то срочно требовалась его помощь, и неизвестный явно не собирался уходить. Идо выбрался из кресла, потянулся и побрел к двери.

Помощь действительно требовалась, но не такая, какую он привык оказывать.

– Хьюго, что с тобой случилось? – спросил он, помогая мальчишке опуститься в кресло-каталку у дверей.

Хьюго произнес что-то невнятное. Возможно, «помогите». А может «мне вломили». Идо не стал уточнять.

Глава 2

Примерно в то время, когда Дайсон Идо дремал в зубо­врачебном кресле, Хьюго обдумывал возможность нарушить собственный принцип, который раньше был для него нерушимым.

До этого он думал об Идо. Никто не работал упорнее дока, и киборги по всему Айрон сити пели ему дифирамбы. В Айрон сити никто с его уровнем знаний в области кибермедицины не согласился бы помогать киборгам, которые не могли заплатить сразу. Или в принципе.

Разумеется, была еще его жена – то есть бывшая жена. Когда клиника только открылась, они по очереди принимали пациентов и обслуживали паладинов на стадионе. Скорее всего, именно доход от моторбола позволял им не закрывать клинику. Хьюго понятия не имел, на какие средства Идо содержал ее с тех пор, как порвал с моторболом. Его жена по-прежнему работала на стадионе, но не в клинике, с тех пор как бросила Идо. Хьюго сомневался, что она как-то ему помогала. Практически любой способ нормально зарабатывать был опасным и/или незаконным, и, казалось, док на такое не способен. Да, время от времени он что-то покупал и продавал на черном рынке, но здесь все что-то покупали и продавали на черном рынке. В Айрон сити законопослушность вела прямиком к голодной смерти. Правила писались За­во­дом, а он всегда жульничал.

Всякий, кто хотел не просто кое-как выживать, должен был придумать собственные правила. А они рано или поздно приводили к проблемам с законом. Куда важнее было придержи­ваться собственных принципов. Сделать собственное слово самой надежной гарантией. Чтобы все, с кем приходится иметь дело, знали, где проходят границы, через которые нельзя переступать, что бы ни случилось.

Хьюго всегда тщательно придерживался своих принципов. С другой стороны, он не был похож на других своих ровесников, и знал об этом, пусть знание и было смутным, по большей части бессознательным. Обстоятельства ранних лет жизни заставили его больше обращать внимание не на материальные предметы, а на неосязаемые материи вроде доверия и честности, воли и намерения, даже вдохновения и любви. Не то чтобы он думал о себе в подобных категориях. Хьюго не тратил время на абстрактные размышления.

Он почти каждый день бывал в клинике Идо, отчасти чтобы быть в курсе, что тому нужно (помимо сервомоторов; Идо всегда были нужны сервомоторы), но также в надежде побольше разузнать о Залеме. Идо, кажется, думал, что Хьюго интересуют всякие научные и медицинские штуки, как будто он хотел стать врачом. Ничего подобного Хьюго не хотел. А если бы и хотел, то из этого ничего бы не получилось: такие люди выходили только с Завода. Никто не знал, откуда их брал Завод, но не на Залеме – в этом Хьюго был уверен. У них не было отметины.

И отсюда возникали всякие вопросы: как Идо оказался на земле, почему не пытался попасть обратно, почему им с женой вообще было позволено покинуть Залем – и так далее, до бесконечности. Док пытался осторожничать, но Хьюго был уверен, что постепенно преодолевает его сопротивление. Время от времени Идо проговаривался. Хьюго надеялся, что если позволить доку и дальше разглагольствовать об этом его любимом чипе, который должен интегрировать что-то там между собой, рано или поздно Идо разговорится и все ему расскажет. Доку *хотелось* кому-нибудь довериться, он явно был ужасно одинок. Он наверняка предпочел бы для этого другого доктора вроде своей бывшей жены, но довольствовался бы и тем, кто готов был просто выслушивать эту его научную болтовню.

Но в данный момент Хьюго жалел, что поддался голоду. И ладно бы он купил ананасово-кокосовый коктейль, который можно было закрепить на ручке гиробайка и потягивать по дороге домой. Так нет, ему втемяшилось заказать фалафель. Он остановился возле кафе,

чтобы поесть, как раз в том месте, откуда была отлично видна женщина, сидевшая в одиночестве снаружи.

По чистой случайности она в то же время решила устроиться за столиком с большой порцией капучино. И, опять же случайно, она в тот день надела браслет. И он случайно увидел этот браслет у нее на руке. Женщина была полноватой, с шоколадной кожей, короткими кудряшками на голове и громадными темными глазами, в футболке с черными котами и вылинявших почти до белизны джинсах. Она выглядела совершенно чужой. Хьюго не мог бы даже припомнить, видел ли он ее прежде.

Но этот браслет он в последний раз видел на руке своей матери. Украшение подарил ей отец, и мать носила его не снимая, днем и ночью, до самой смерти.

* * *

В семье Хьюго подарки дарились крайне редко. Его отец старался как мог, но простым рабочим на конвейере Завода платили не слишком много, а после появления Хьюго расходов стало еще больше. Для немолодой пары, которая считала, что в будущем им предстоит менять подгузники разве что внукам, рождение второго ребенка стало неожиданностью.

Хьюго никогда не сомневался в том, что родители его любили. Отец звал его «приятной неожиданностью», а старший брат был вне себя от счастья, когда в семье появился ребенок, о котором он мог заботиться. Они жили дружно, и как всякий ребенок в счастливой семье, Хьюго не знал, что они были бедны. Только позднее он понял, что родители и даже старший брат порой пропускали ужин, чтобы он никогда не оставался голодным.

Когда Хьюго пошел в школу, мать заговорила о том, чтобы устроиться на работу, но отец ее отговорил. *Ведь тогда и тебя заставят пойти на замену. Одному из нас надо оставаться полностью человеком, querida, милая.*

Мать ответила, что он был самым человечным из всех, кого она знала, сколько бы частей его тела ни заменили машины, но прислушалась к его желанию. Она старалась подзаработать стиркой или уборкой, но по большей части люди отдавали предпочтение тем, кто имел специализированные механические конечности и дополнительные приспособления, а не две обычные руки. Впрочем, порой все эти киборги были заняты, и тогда ей тоже перепадала кое-какая работа.

Редкие подарки были, как правило, полезными, необходимыми вещами, а не дорогими безделушками вроде украшений. На них уходили деньги, которые лучше было потратить на продукты. Но однажды вечером отец Хьюго пришел домой и поставил на кухонный стол перед матерью небольшой мешочек из зеленого бархата. Пока Хьюго и его старший брат скакали вокруг с воплями «Открывай, открывай!», она смотрела на подарок так, будто он мог ее уку-сить.

При виде браслета на ее лице появилось выражение, которое Хьюго редко приходилось видеть. Старший братец потом сказал, что она напонила ему строчку когда-то прочитанного стихотворения – «Смутясь от радости»¹. Она никак не ожидала получить в подарок браслет, до той секунды она не знала даже, что хотела такой подарок.

Взяв в руки двухдюймовую полоску чеканной меди, она стала пристально ее разглядывать. В середине красовался темно-зеленый камень – точно такого же цвета, что и бархатный мешочек, что, с точки зрения Хьюго, было верхом изысканности. Он спросил, не изумруд ли это, и все рассмеялись.

¹ Стихотворение английского поэта Уильяма Вордсворта

Хьюго ожидал, что мать велит отцу вернуть браслет, потому что они не могли тратить деньги на такие бесполезные вещи. Но она ничего не сказала. Вместо этого она надела браслет на руку и никогда его не снимала.

Старший братец говорил, что ей не стоит так делать, что кто-нибудь может ее ограбить. Лучше держать браслет в безопасном месте. Мать отказывалась. Украшения следует носить, а не прятать, заявляла она. Хьюго беспокоился. Он был не таким маленьким, чтобы не понимать, что Айрон сити – опасное место. Но с матерью ничего не случилось. Она называла браслет счастливым талисманом, и Хьюго начинал думать, что, может быть, эта полоска меди с красивой стекляшкой действительно могла отводить зло.

Но если так, ее волшебная сила явно не распространилась на отца. Она не могла предотвратить замену все новых и новых частей, пока от его тела мало что осталось.

Первый раз, когда отец вернулся домой с кибернетической рукой, Хьюго убежал от него в слезах. Отца его реакция озадачила: он-то был уверен, что Хьюго заинтересуется механизмом, особенно когда увидит, как он раскладывается, удлиняется и вращается, а телескопические пальцы изгибаются в любом направлении.

Мать и брат сказали Хьюго, что он обидел отца. Старший брат долго пытался его переубедить. *Люди теряют ноги и руки из-за несчастных случаев, или из-за рака костей, и их приходится ампутировать. Ты и вправду думаешь, что не следует их заменять?*

Хьюго не знал, как объяснить, что отец не *потерял* руку, он *обменял* ее на что-то, даже отдаленно не похожее на часть человеческого тела. Он извинился перед отцом – не вылезая из-под кровати, откуда не было видно прикрепленного к телу отца металлического предмета.

Отец не обиделся и не разозлился. Он пообещал закрывать руку, приходя домой, чтобы дать Хьюго время привыкнуть. Позднее Хьюго слышал, как во время разговора с матерью и старшим братом отец сказал, что никогда заранее не угадаешь, чего испугается маленький ребенок – с его точки зрения мир выглядит совершенно иначе. Нет никакого смысла говорить ему, что *не следует* чего-то бояться. Они должны постараться показать ему, что по-прежнему его любят и ему не стоит пугаться всего, что кажется страшным. Хьюго почувствовал тогда, что просто обожает отца. Это был такой знакомый, понятный и любимый человек. Хьюго не мог понять, как тот же человек мог захотеть получить механическую руку. Она не только выглядела страшной, но еще и мешала как следует обняться.

Так или иначе, отец стал закрывать руку, когда был дома, а Хьюго изо всех сил притворялся, что перестал ее бояться. На самом деле эта штукавина казалась только страшнее, когда он ее *не* видел. Чем она занималась, когда отец прикрывал ее простыней или рукавом свитера? Хьюго снились кошмары, в которых механическая рука отсоединялась от отца, когда все засыпали, пробиралась в комнату Хьюго и забиралась к нему в постель, чтобы отрезать ему руку и заменить ее механической.

Через какое-то время кошмары прекратились, но не так скоро, как убеждал всех Хьюго. Он перестал бояться механизма, торчавшего из тела его отца, но не мог его полюбить. Он мог лишь смириться с его присутствием.

Никто не говорил Хьюго, когда отец заменил ноги. Он бы даже не узнал об этом, если бы однажды утром отец не забыл запереть дверь в ванную. Хьюго был уже слишком взрослым, чтобы убегать и прятаться под кроватью. Ноги гораздо больше походили на человеческие, но Хьюго не мог не вспомнить свои кошмары. Теперь он представлял, как механическая рука подменила ноги отца, пока тот спал. Разумеется, он был слишком взрослым, чтобы верить в подобную ерунду.

Но не для того, чтобы видеть кошмары. В новом сне отец говорил, что пора вставать, иначе они опоздают на работу на Заводе. Повернувшись, Хьюго обнаруживал, что отец стал полностью металлическим, с четырьмя механическими руками и двумя головами. Отбросив одеяло, он обнаруживал, что его тело тоже стало металлическим.

Иногда у него было восемь ног, как у паука, а иногда одно колесо, как у гиробайка. Порой отец во сне начинал распадаться, а когда Хьюго пытался встать с постели, чтобы ему помочь, он тоже начинал разваливаться.

Через какое-то время Хьюго осознал, что отец, скорее всего, заменил ноги, когда подарил матери браслет – примерно тогда Хьюго заметил, что у него изменилась походка. Должно быть, Завод выдал ему премию за то, что он становился все более механическим. В конце концов, Завод тем и славился: у них было множество металлических механизмов.

Вот только механизмы не должны умирать.

Не потому ли отец заменил все свое тело? Чтобы вечно работать на Заводе вместе с другими механизмами? Когда один из работников Завода умирал прямо у конвейера, к нему должны были просто вызвать механика или ремонтника, чтобы те все починили, разве нет? Когда какой-то механизм ломается, можно просто заменить сломанную деталь и включить его снова. Представителям Завода вовсе не нужно приходить к нему домой и говорить его семье, что механизм умер.

Старшему брату пришлось запереть его в комнате, чтобы мать могла спокойно поговорить с представителями, не опасаясь, что Хьюго накинется на них и обзовет лжецами. Когда фабричные чиновники ушли, Хьюго упрямо сидел на ступенях дома и ждал, когда отец вернется с работы, чтобы рассказать им об этих врунах с Завода, которые пытались убедить их в том, что он умер.

Следующие несколько недель практически стерлись из памяти Хьюго. Старший брат женился на своей девушке Нане. Нана проводила много времени с Хьюго и его матерью, пока старший брат работал. Разумеется, на Заводе, но его работа была получше, чем у отца. Хьюго умолял его не менять никакие части тела на механические. Брат обещал – и не возражал, когда Хьюго настаивал на проверке.

Через два с половиной месяца мать умерла во сне. Браслет все еще был у нее на руке, когда Хьюго ее нашел. Вот тебе и счастливый талисман, подвел мать, когда она больше всего в нем нуждалась. Хьюго не ожидал когда-либо увидеть браслет вновь, все эти годы он даже не вспоминал о нем.

И вот теперь он оказался на руке совершенно незнакомой женщины, которая ничего даже не подозревала.

Хьюго доел фалафель, выкинул скомканную салфетку в ближайшую урну и приготовился запустить двигатель. Не думая о том, что делает, он прокатил гиробайк по тротуару, пока не оказался рядом с женщиной, которая в тот момент как раз заказала новую порцию капучино. Хьюго подождал, пока официантка ушла внутрь, и завел двигатель. А потом протянул руку, стянул браслет с руки женщины и рванул с места.

«Извиняйте, дамочка, – подумал Хьюго, не оборачиваясь. – Но, по-честному, он совершенно не подходил к вашему наряду».

* * *

Хьюго знал, что за ним никто не погонится. С женщиной ничего не случилось, а искать дешевый металлический браслет не имело смысла. Но на всякий случай он долго ездил по переулкам и боковым улочкам и даже протаскил гиробайк по нескольким проходам, таким узким, что по ним нельзя было проехать.

Через полчаса он оказался на юго-востоке от мусорной кучи. Здесь он бывал нечасто и, судя по всему, другие тоже избегали бывать в этом районе. Обычно все спешили убраться отсюда в какое-нибудь более людное место, где меньше вероятность оказаться ограбленным. Правда, женщине в кафе это не особенно помогло.

Ну, не повезло, ничего не поделаешь. По крайней мере, она осталась цела. Для нее браслет был всего лишь дешевой побрякушкой, она забудет о нем как только купит новый. И, может быть, если он станет рассказывать себе об этом почаще, то забудет, что поклялся никогда ничего не красть у людей без механических частей или всего с несколькими заменами. Законной добычей были только киборги с полной заменой.

ПЗ-киборги – всего лишь живые головы, управляющие металлическими телами. На киборгов можно нападать, с ними от этого ничего не случится. Нужно только пару раз ткнуть их парализатором, чтобы обездвижить и отсоединить киберядро. Потом анонимный звонок префектам Завода – они подберут ядро и подключат к системе жизнеобеспечения. А между тем тело можно разобрать на детали и продать. Если только кто-нибудь не захочет купить все целиком, без необходимой сборки.

ПЗ-киборги не страдали от потери тела, потому что они *уже* его потеряли, обменяв на железки. Они всегда могли найти новое, и, если повезет, новое нападение случится еще не скоро. А даже если и скоро, что с того? Все равно это просто железки, а не *настоящие* тела.

Хьюго закинул ноги на руль гиробайка и немного откинулся назад, крутя в руках медную полоску.

Он думал, что после смерти матери брат отдал браслет Нане, а та спрятала его и никогда не надевала. Старший брат с женой взяли его к себе и заменили ему мать и отца. Это было странно. Но только отчасти. В конце концов, они были семьей, другой родни ни у кого не было.

Хьюго все ждал, когда Нана и старший брат заведут ребенка, чтобы он сам мог стать старшим братом. Но ребенок так и не появился. Хьюго предположил, что они собираются поступить как родители: подождут, пока он вырастет, а потом заведут «приятную неожиданность».

В итоге все вышло совсем иначе.

Старший брат сдержал обещание и не заменил ни одной части тела на механическую. Но он в этом и не нуждался. Завод сделал его инженером широкого профиля. Это означало, объяснил старший брат, что когда на Заводе хотели что-нибудь сделать, у него спрашивали, как именно следует это делать. За это определенно платили лучше, чем отцу, и работа была не такой тяжелой. Иногда на Заводе случалась какая-нибудь заминка, и они вызывали старшего брата, но тогда ему платили сверхурочные. Впрочем, такие вызовы случались нечасто. Старший брат мог проводить с семьей куда больше времени, чем отец.

Нана называла их «мои парни». Она никогда не возражала против их многочасовых прогулок. Иногда они отправлялись собирать мусор, отыскивали самые странные предметы, выброшенные Залемом, и выдумывали безумные истории о том, чем они были раньше и почему их выкинули. Временами они отыскивали удобное место, откуда были видны здания на краю пятимильного диска Залема, и пытались вообразить, что делают живущие в них люди, смотрят ли они вниз и гадают ли, что делают люди на земле.

То были счастливые времена. Хьюго даже не подозревал, насколько счастливые. Дети редко это осознают. Он не мог вообразить, что жизнь когда-нибудь может измениться, даже после того как он вырастет и устроится на работу. Иногда Хьюго думал, что может стать инженером, как старший брат, и рассказывать другим, как надо работать. Но он редко заглядывал так далеко. По большей части он просто радовался тому, что старший брат разделял его увлечение Залемом. Старший брат был таким умным и сообразительным, с ним было так весело.

Но все-таки старший братец был инженером. Недостаточно просто мечтать и придумывать всякие истории, однажды сказал он Хьюго. Он хотел не просто фантазировать, что из себя представляет Залем. Он хотел узнать, как там все на самом деле. И давно и много размышлял о том, как бы это сделать. Старший брат привел Хьюго в свою мастерскую на чердаке и показал свое изобретение. С этого начался путь к неизбежной гибели.

Хотя на самом деле он начался еще раньше, когда старший брат решил построить летательный аппарат, до того как он рассказал об этом Хьюго. Хьюго знал, что это серьезное пре-

ступление. Летательный аппарат тяжелее воздуха бросал вызов Залему. Тяжким преступлением было даже оказаться рядом с ним. Даже если аппарат на самом деле не летал, воин-охотник мог прикончить нарушителя и получить неплохую награду, даже если тот не был объявлен в розыск.

А если по какой-то счастливой случайности аппарат удалось *поднять* в воздух, его сожуют роботы-центурионы. И если в машине были родные, или друзья, или просто кто-то остановился рядом поглазеть – значит, им не повезло. Нечего было соваться куда не следует.

Уже много лет никто не делал ничего настолько безумного. Даже птицы облетали Айрон сити стороной, так как защитные системы Залема не отличали живые существа от механизмов. Из-за этого птицы без клеток встречались только далеко – *очень* далеко – на Мертвых землях, а значит, многие жители Айрон сити могли прожить всю жизнь, ни разу не увидев полет птицы.

Но старший брат не был городским сумасшедшим. Он сумел создать машину с камерой, которая передавала бы изображение на землю. Единственной проблемой был шум. Как только удастся от него избавиться, можно будет запустить аппарат в безлунную ночь. Камера встроена прямо в конструкцию, составленную по большей части из картона. Металла так мало, что его не засечет ни один сенсор. Аппарат долетит до самого Залема, и они наконец увидят, что происходит там на самом деле. Но пока, сказал старший брат, это будет их тайна. Никто не должен знать об их планах, даже Нана. По крайней мере, пока. Они расскажут Нане, когда все будет готово к запуску.

От этого Хьюго стало немного не по себе. Как старший братец мог что-то скрыть от жены? Хьюго был уверен, что отец держал в тайне от матери только деньги, которые копил на браслет, но это совсем не то. Нечто похожее произошло, когда старший брат и родители не рассказали ему, что отец заменил себе ноги. Только в этом не было ничего противозаконного.

Да, старший брат и Нана не были его настоящими родителями. Нана не была даже настоящей родней. Но она стала самым близким ему живым человеком. Скрывать от нее что-то казалось неправильным.

Но Хьюго послушался старшего брата и ничего ей не рассказал, хотя иногда ему казалось, что его вот-вот прорвет. Его брат продолжал работать, ему удалось сделать мотор немного тише, но он все равно оставался слишком шумным. В Айрон сити просто не было материалов нужного качества.

А потом дождливый вечер навел брата на мысль: он сделает аппарат водонепроницаемым и запустит его в дождливую ночь, чтобы шум воды заглушил шум двигателя. Летающая машина поднимется к Залему, и они смогут поймать передачу с камеры ночного видения, настроившись на определенную волну.

Когда батареи сядут, аппарат поднимется вертикально вверх, так высоко, как только сможет, и ветер унесет его далеко от Айрон сити, уничтожив улики. Только они будут знать хоть что-то о Залеме. И, может быть, однажды эти знания им пригодятся, а может, им придется молчать до самой смерти. Так или иначе, они узнают величайшую тайну на свете.

Хьюго начинал думать, что нужный день никогда не наступит, но наконец старший брат решил, что нужные условия создались. По прогнозу, дождь будет идти всю ночь, и как раз наступило новолуние, так что затянутое облаками небо будет непроницаемо темным. И, к величайшему облегчению Хьюго, старший брат сказал, что они наконец могут посвятить Нану в свою тайну.

Но когда брат рассказал жене о летающей машине, та вовсе не обрадовалась. Она сказала, что это худшая идея, какую только можно выдумать. И заявила, что не хочет знать о Залеме того, чего нельзя знать никому на свете – или, по крайней мере, в Айрон сити, – и не понимает, с чего бы им желать того, что запрещено законом.

От ее слов Хьюго стало беспокойно, даже страшновато, и он задумался, что, может, им и правда *не стоит* этого делать. Но когда он сказал об этом брату, тот объяснил, что Нана так

говорит потому, что она не инженер. Она была творческой личностью, делала из бус украшения, которые ее подруга продавала на рынке, и писала стихи и сказки про говорящих животных и эльфов-роботов. Нана придумывала невероятные вещи и могла только *мечтать* о том, чтобы они стали правдой. У нее в голове не укладывалось, что не все запретное недостижимо. Хьюго подумал, что старший брат серьезно недооценивал ум Наны, но решил, что об этом они смогут поговорить после того, как увидят Залем.

Казалось, день длился целую вечность. Поздно вечером, когда начали собираться облака, Нана неожиданно выдала Хьюго список покупок, которые он мог найти только на рынке на другом конце города. Он попытался уговорить ее подождать до завтра, но она стала упрашивать его, рассказывая, что слишком уж долго откладывала дела на потом, и как он ее обяжет, если согласится ей помочь. Она обязательно как-нибудь его отблагодарит.

Было уже довольно поздно, транспорт на дорогах двигался медленно, на рынке выросли огромные очереди. Иногда, отстояв одну очередь, Хьюго обнаруживал, что у продавца как раз закончился товар, который был ему нужен. Приходилось вставать в новую очередь и надеяться на лучшее. К тому времени, как он все купил, дождь усилился и движение стало еще плотнее. Хьюго умудрился втиснуться в автобус, который за двадцать минут проехал полтора квартала, после чего сломался. Какое-то время Хьюго ждал следующего, потом сдался и пошел пешком. Даже если бы у него были деньги на такси, он бы ни одного не нашел. В Айрон сити такси всегда пропадали, как только начинался дождь.

Через какое-то время Хьюго сообразил, что все время смотрит на тень Залема среди облаков, и велел себе прекратить. Если кто-нибудь с Завода увидит его на камере наблюдения, они могут заинтересоваться, почему он все время смотрит вверх, и что-то заподозрить. Они могут отправить к нему домой центуриона для допроса и даже обыскать дом. Центурион найдет аппарат, и все будет кончено. Дело закрыто, всем спасибо, все свободны.

Когда он наконец добрался домой, Нана встретила его снаружи, под дождем. Одного взгляда на ее лицо ему хватило, чтобы бросить пакеты и кинуться к дому, но Нана оказалась быстрее. Она поймала его в объятия, прижала к себе и все повторяла: «Прости, Хьюго, тебе туда нельзя, прости. Ничего уже нельзя поделать. Он бы всех нас погубил».

Хьюго не хотел ей верить. Но потом из дома вышли двое людей, неся на носилках закрытое с ног до головы тело. Следом показался громадный неуклюжий центурион, а за ним – воин-охотник с мешком. Хьюго пытался убедить себя в том, что в мешке охотника вовсе не голова его брата.

Даже после того как им с Наной позволили вернуться в дом, Хьюго все звал брата. Он убежал на чердак и принялся колотить в дверь и требовать, чтобы старший брат открыл ее. Нана не пыталась заставить его замолчать и успокоиться. Она дождалась, пока он совсем не выдохся, а потом отнесла его в постель. Пока он спал, она оттерла комнату сверху донизу, так что от брата не осталось ни следа.

На следующий день Нана сказала Хьюго, что теперь они остались вдвоем. Что какое-то время у них все будет в порядке. Ей не придется сразу искать работу. Только тогда он сообразил, что она получила неплохую награду за старшего братца. Потому что Завод не платил пособие за мертвых преступников. То, что старший братец был не каким-то недовольным жизнью разгильдяем, а инженером Завода, лишь усугубляло ситуацию, хотя Хьюго подозревал, что они что-то заплатили Нане за моральные страдания, которые она испытала, предавая собственного мужа.

А может, и нет. Когда они оба рыдали под дождем, она сказала: «*Он бы всех нас погубил*». Она была так уверена в том, что старший брат попадется, что решила сама получить хотя бы часть денег.

Хьюго не удивился, что она хочет, чтобы они продолжали жить как одна семья. Он только не понимал, почему она думала, что из этого что-то выйдет. Сначала он думал подождать

месяц, а потом уйти, но в итоге не выдержал и недели. Он взял кое-какую одежду брата и немного еды, но не тронул ее кровавые деньги.

Его записка была короткой: *Не пытайся меня найти*. Он опасался, что Нана все равно попытается. Но, может быть, она все поняла, потому что больше он ее не видел. Несколько лет спустя Хьюго пробрался в тот район, чтобы разузнать, что с ней случилось, и обнаружил в доме другую семью. Он думал было спросить у соседей, но не нашел ни одного знакомого, и в итоге решил, что ему не настолько важно было знать, была ли она счастлива, несчастна или мертва.

Дело закрыто. Всем спасибо, все свободны.

* * *

– Как думаешь, может, он не только тупой, но еще и глухой?

Хьюго оторвал взгляд от браслета и обнаружил, что его окружили шестеро парней, а седьмой облокотился на руль его гиробайка. Все они были на несколько лет старше него, на несколько дюймов выше и явно тяжелее. Парень, опиравшийся на гиробайк, был не из самых крупных, но его руки казались горой мышц, готовой хорошенько тебя вздрючить, если ты дашь слабину; а слабину ты давал, как только попадал в его поле зрения.

Хьюго определенно вел себя недостаточно осторожно – и откровенно глупо. Каждый клочок Айрон сити был чьей-нибудь территорией. Проехать по ней можно было без особых неприятностей, но Хьюго не просто зашел на чужую территорию. Его преступление усугублялось тем, что он погрузился в собственные мысли и даже не заметил местной банды, которая велела ему убираться подобра-поздорову.

– Мы уже поняли, что ты не местный, – сказал облакачивавшийся о руль парень. – Иначе ты бы знал, что это наша территория. Это место, как раз где ты стоишь. Здесь запрещено останавливаться. Особенно на таких дерьмовеньких гиробайках, как у тебя. Они портят вид нашей живописной кучи мусора.

Парень выпрямился и выхватил браслет из рук Хьюго. – Это пойдет в счет штрафа. Парни соберут остальное. – Он отступил, и кто-то опрокинул байк.

Хьюго никогда не умел драться и выживал благодаря уму, а не кулакам. Он знал, как отболтаться от неприятностей, а если разговоры не помогали, у него был запасной план: быстро-быстро убежать. Драка – болезненный опыт даже для победителя. Есть много способов взять ситуацию в свои руки – но те же руки можно было и сломать. А сломанная рука становилась серьезной помехой, когда противник и его дружки находили тебя, чтобы поквитаться.

К сожалению, иногда нельзя ни отболтаться, ни убежать, ни отбиться. Четвертым, самым неприятным вариантом было свернуться на земле и постараться прикрыть все самые уязвимые места и в то же время надеяться, что нападающие не увлекутся и не забудут остановиться вовремя.

По ощущениям, прошло много часов, пока главарь не отозвал наконец своих парней. Но, разумеется, кто-то не удержался и наградил Хьюго прощальным ударом по почкам. Он еще пару дней будет писать кровью.

– Думаю, этот засранец больше не будет парковаться где нельзя и появляться там, куда его не звали, – сказал главарь. – Ему, наверное, и пяти минут не понадобится, чтобы взять ноги в руки, сесть на свой дерьмокат и поскорее смотаться домой к мамочке. И он наверняка знает, что через пять минут мы вернемся, чтобы в этом убедиться, – он рассмеялся. – Приятного вечера, неудачник. И спасибо за браслет. Он не подходит к твоему наряду.

Они со смехом пошли прочь.

Хьюго дождался, пока голоса затихнут, и только тогда оттолкнулся руками от земли и сел. От резкой боли по обеим сторонам грудной клетки у него перехватило дыхание. Он осторожно ощупал себя, стараясь не нажимать слишком сильно. Док Идо как-то сказал, что помятые ребра

болят сильнее сломанных. Если только отломанный кусок не воткнулся куда-нибудь в печень или селезенку. С какой они стороны? Как именно болит проткнутый орган?

Хьюго медленно вздохнул (этот процесс тоже оказался болезненным) и кое-как поднял байк с земли. Каждое движение сопровождалось болью. Больно было даже подниматься на ноги. Порез на голове обильно кровоточил. Док говорил, что порезы выше шеи сильно кровили из-за множества капилляров, но у тех, кто не страдал гемофилией, не было особого риска умереть от потери крови.

Перекинуть ногу через байк – больно, сесть на сиденье тоже больно. Утешало то, что завтра все будет болеть куда сильнее. Хьюго поймал свое отражение в зеркале заднего вида и поморщился. Один глаз опух и почти закрылся, разбитая нижняя губа раздулась до размера хот-дога. Его неожиданно охватила волна яростного гнева. Ему по-настоящему хотелось не ползти, прихрамывая, домой, а отыскать этих подонков и передавить их всех, оставить следы шин на их физиономиях.

Ага, всех семерых одной левой? – безмолвно осадил он свое отражение.

Хьюго запустил двигатель. По крайней мере, они ничего не сделали с байком, так что он не убьется по дороге. Нет, они всего лишь хотели показать, какие они крутые, а не убивать его. В конце концов, он-то ничего такого им не *сделал*. Ничего у них не украл...

Нет, ты украл у другого человека, у несчастной, ни в чем не повинной женщины, которая ничего не знала о твоей семье. Красть у людей без кибернетических частей – против правил. Вот ты и получил по заслугам.

Хьюго тяжело вздохнул, не обращая внимания на боль. Можно подумать, жизнь состоит из сплошных наглядных примеров и назидательных уроков. Просто еще один обычный день в Айрон сити, где сильные наживались за счет слабых и каждый должен был справляться как умеет. Как Нана. Старшему брату ни за что не удалось бы незаметно отправить аппарат в Залем, и ей одной хватило ума понять это. Не сумев отговорить мужа, она пошла на единственный шаг, который мог спасти ее и Хьюго. Даже любимому человеку нельзя позволить себя убить.

Хьюго медленно ехал по переулкам, морщась на каждой кочке, пока не добрался до главного проезда. Здесь дорога ровнее, пусть поездка и займет больше времени. Движение было таким же плотным, как в тот день, когда он вернулся с рынка и встретил Нану перед домом, под дождем, но сегодня Хьюго был не в силах шнырять между машинами и грузовиками, как делал обычно.

Так что сегодняшний день был неудачным, даже ужасным. Куда хуже обычного. Никого не следует подпускать так близко, чтобы он мог навредить. И, конечно же, надо обращать внимание на то, что происходит вокруг.

Глава 3

– Останови здесь, – велел элегантно одетый темнокожий мужчина с заднего сиденья лимузина. Его звали Вектор, и лимузин принадлежал ему. В салон допускались только те, кого он считал достойным дышать прошедшим через систему кондиционирования воздухом.

Сторонний наблюдатель мог бы задуматься, как внутрь попал мужчина, сидевший рядом с ним. Гамот выглядел здесь абсолютно неуместно. Тем не менее, он был одним из самых ценных работников Вектора, хотя работал он неофициально, так сказать, теневая занятость. Это была одна из причин, почему Вектор решил встретиться с ним в лимузине. В его офисе персонаж с жидкими седеющими волосами, одутловатым лицом в старых угревых рубцах, в потрепанной одежде и с грязными ногами в шлепанцах смотрелся бы еще неуместнее.

– Что-то не так, босс? – спросил Гамот с почтительным недоумением. Хотя он и выглядел как попрошайка, его манеры (по крайней мере, с боссом) были безупречными.

– Мне показалось, что ты только что произнес слово «запоздывает», – сказал Вектор, придавая своему лицу то серьезное выражение, которое, как он знал, ни один из его работников не хотел бы увидеть. – Хьюго и его команда задерживают доставку? Я правильно расслышал?

– Да, уж извиняйте, – ответил Гамот с виноватым видом. – Парню здорово досталось.

– В смысле, Хьюго?

Гамот придал своей физиономии еще более виноватое выражение.

– Дааа. Понимаете, он несколько дней назад отправился в южную часть города...

– За каким *лядом*? – раздраженно спросил Вектор. – Я его туда точно не посылал. На юге нет ничего, кроме обкуренного хулиганья.

– Это я без понятия, босс, как-то уж он там оказался, – сказал Гамот. – Но это неподалеку от мусорной кучи, так что, может, он что-то искал и свернул не туда. Короче, его хорошенько отделали. Сломанные ребра, сотрясение, один глаз совсем заплыл. Их там было семь против одного, парню точно было не справиться. Эти подонки на окраине только так и делают. Я его видал на следующий день. Парню повезло, что он не впал в кому.

– Он был в больнице? – холодно уточнил Вектор.

– Нет. Просто сходил к доку Идо. Тот его подправил, хотя он и не...

Вектор нетерпеливо отмахнулся.

– Раз он не пошел в больницу, значит, все не *настолько* плохо.

– Док сказал, что ему *надо* бы сходить в больницу...

– Но он не сходил и все еще жив, так? – Гамот утвердительно кивнул. – Ну так, значит, он задерживает доставку без уважительной причины. Так дела не делаются.

– Извиняйте, босс, – сказал Гамот с удрученным видом. – Даже не знаю, что сказать.

– Извиняться должен не ты.

Вектор глубоко вздохнул. Ему очень хотелось вклеить Гамоту по физиономии, а потом велеть водителю отправляться, дожидаться, когда скорость достигнет тридцати миль в час, открыть двери и вытолкнуть подчиненного на дорогу. Но Гамот, вероятно, неверно истолкует этот жест, не догадавшись, что Вектор хочет наказать вовсе не его. Его уличному персоналу не следовало знать, что Вектор считал их взаимозаменяемыми. Они слишком много знали, хотя по большей части даже не подозревали об этом.

Кроме того, Гамот отлично справлялся со своими обязанностями. Какой смысл убивать вестника, тем более если он не проявил некомпетентность.

И все же ситуация беспокоила Вектора. Хьюго никогда раньше его не подводил, не опаздывал, не допускал недочеты и не пытался сбить кучу дерьма как нечто стоящее.

– Когда случилась эта выдающаяся драка? – через какое-то время уточнил Вектор.

– Дня четыре назад, может пять.

– Значит, все самое плохое уже позади, – коротко бросил Вектор. – Дети быстро выздоравливают. А куда им деваться. Отыщи его и приведи сюда. Нам надо побеседовать.

– Да, босс.

Гамот собрался было открыть дверцу.

– погоди, – остановил его Вектор. – У меня есть для тебя еще одно задание.

– Все, что угодно, – заверил Гамот. Его искренность не вызвала сомнений.

– Прежде чем идти искать Хьюго, загляни на рынок и найди продавца по имени Марио. Скажи, что я велел подобрать тебе ботинки. Мне плевать, как они выглядят, плевать на цвет и фасон, главное, чтобы они были закрытыми. Одна нога здесь, другая там. Когда приведешь ко мне Хьюго, хочу, чтоб ты был уже обут. И чтобы впредь ты ходил в ботинках, – Вектор подвинулся чуть вперед на сиденье. – Ясно?

– Да, босс. Гамот явно старался не глядеть на собственные ноги. Вместо этого он уставился на ноги Вектора.

– Им не обязательно выглядеть как мои, – сказал ему Вектор.

Это в любом случае было невозможно. Вектор взял их из партии, уходившей в Залем, отправив вместо них пару обычных для Айрон сити кособоких полуботинок. Со стороны летучего города никаких вопросов по поводу подмены не последовало. Может, они решили, что это какая-то новая мода. Люди наверху, вероятно, были так же глупы, как и все остальные.

– Все ясно, босс, – сказал Гамот. – Ботинки, потом Хьюго, впредь ходить в обуви.

– Мне нужно от тебя рвение, а не рваньё, – заметил Вектор.

К его удивлению, Гамот оценил шутку.

– Хорошо сказано, босс. Что-то еще? Прихватить вам что-нибудь перекусить? Чуррос?

– Просто убедись, что поблизости остался по крайней мере один посыльный. Но чтобы он *не* облакачивался на машину и не сидел прямо на бампере.

– Все, приступаю к делу, – заверил его Гамот. – В смысле, к делам.

Он выбрался из машины, и в лицо Вектору ударила волна горячего влажного воздуха. Он велел водителю включить кондиционер и осушитель, пока он тут не захлебнулся. Водитель подчинился, не произнеся даже «Да, босс». Вектор предпочитал, чтобы его водители были именно такими: бдительными, исполнительными и молчаливыми.

Невозможно предсказать, как долго ему придется дожидаться Гамота и Хьюго, но ничего. В это время он мог подумать о проблеме номер один в его списке задач: о его блистательной, сексуальной и теперь незамужней Настройщице.

Вектор вытащил планшет и просмотрел несколько видео, записанных во время последней игры. Эта женщина сможет построить ему нового чемпиона, больше и лучше, чем был Гревишка даже на пике формы. Благодаря ей люди скоро вообще позабудут об этом неудачнике. А теперь, раз эта гениальная дамочка бросила Дайсона Идо, она всецело принадлежала ему, Вектору. Она была холодной и бесчувственной; впрочем, это не имело никакого отношения к краху ее брака. Она всегда была холодной – живой айсберг, который не способен растаять и дать миру ничего, кроме отблесков на гладкой поверхности и жгучего ледяного прикосновения. Голубизна ее глаз была арктической, а не небесной. Вектору доводилось видеть, как одним взглядом она заставляла паладинов замереть на месте.

По правде говоря, Вектор хотел, чтобы на него работали и она, и Идо, но док не согласился. Когда Кирен оставила его, Идо вовсе забросил моторбол – к несчастью для игроков, которые привыкли рассчитывать на его невероятное мастерство. Теперь тот, кто нуждался в его помощи, вынужден был тащиться в задрипанную клинику и сидеть в очереди с самыми жалкими и бесполезными отбросами.

Вектор считал это подлостью, особенно со стороны самодовольного осла, который хотел, чтобы все видели в нем чуть ли не ангела. Но никого нельзя было силой заставить работать на арене. Тут, как и везде, проще всего было подкупить – но только не добродетельного Дай-

сона Идо. Вектор хотел как-нибудь спросить у «его святейшества», что благородного было в том, чтобы бросить на произвол судьбы людей, которые тебе доверяли? Как это вообще могло произойти?

Но у него, скорее всего, не будет такой возможности. Доктор Добродетель не хотел иметь с ним дел, что вполне устраивало Вектора. Если уж ему достанется только кто-то один, пусть это будет Кирен. Снежная королева была куда симпатичнее Идо. Длинные черные волосы, худощавое гибкое тело и этот хорошенький фиолетовый самоцвет на лбу... Единственное, чего Вектору хотелось бы, – чтобы она была поменьше ростом. Куда проще нависать над тем, кто ниже тебя как минимум на четыре дюйма, а гениальная дамочка была почти одного с ним роста. Но именно благодаря своему росту она так сногшибательно смотрелась в модельных нарядах. Как будто она была создана для того, чтобы их носить... и скидывать на пол его спальни. После этого она смотрела бы на него только снизу вверх.

В конечном итоге, пусть лучше Кирен будет на его стороне. Если она объединится с Идо, вдвоем они могут здорово подгадить Вектору. Но без Кирен потуги Идо не имели значения. Ему, пожалуй, и духу не хватит, не то что его бывшей.

Вектор позволил себе усмехнуться собственной шутке, потом достал из бара бутылку великолепного, предназначенного только для Залема виски и налил себе на два пальца, просто чтобы заняться чем-то, кроме разглядывания неудачников Айрон сити, которые проходили мимо лимузина и перешептывались. Большинство из них знало, кому принадлежит автомобиль, и демонстрировали уважение, обходя его стороной, чтобы случайно не поцарапать.

Кроме того, их лица принимали выражение должной почтительности, чуть ли не благоговения, что определенно нравилось Вектору, хотя от этого люди и не становились ему более симпатичны. Разумеется, они понимают, что он занимает верхнюю ступень городской иерархии, и они все находятся ниже него. Это понимание не гарантирует им приглашение в его пентхаус на коктейль или ужин, но и не укоротит им жизнь.

Вектор допил виски и как раз собирался налить новую порцию, когда Гамот постучался в окошко. Хозяин лимузина нажал кнопку на панели управления и открыл дверь. Хьюго влетел внутрь и рухнул у ног Вектора. Выглядел мальчишка здорово помятым.

– Спасибо, Гамот, – сказал Вектор. – Как ботинки?

Гамот поднял ногу и продемонстрировал прочнейшие туристические ботинки серого цвета. Должно быть, на Марио ноги Гамота произвели такое же впечатление.

– Ощущение от них странное, – сообщил он Вектору.

– По дороге домой запасись еще и носками. Марио тебе поможет.

– Я там у него носков не видел, – сказал Гамот.

– Не все на свете всегда лежит на виду, – сообщил ему Вектор и отпустил его взмахом руки.

– Как скажете, босс, – сказал Гамот. – Приятного вечера.

Вектор уже перестал обращать на него внимание. Он переключился на Хьюго, который так и сидел на полу. Парню хватило ума не забираться на сиденье без приглашения. Об этом, по крайней мере, он помнил, пусть и забыл, что доставлять все надо вовремя. Может быть, из-за побоев он страдал частичной амнезией?

– Что с тобой *на хрен* случилось? – спросил Вектор. – Упал в блендер в баре «Канзас»?

Парень открыл было рот, но Вектор жестом остановил его.

– Если ты сейчас начнешь оправдываться, я еще немного подрихтую тебе физиономию.

– Я еще и ребра сломал, – тихо сообщил мальчишка.

– А *это*-то ты на фига сделал? – рявкнул Вектор. – Мама никогда не говорила, что не стоит лезть на рожон?

В глазах мальчишки что-то мелькнуло – моментальная вспышка чистой ярости. Потом он опустил взгляд и пробормотал:

– Извините. Мне следовало быть осторожнее.

– Еще как следовало! – рявкнул Вектор. – Ты меня подвел. У меня тут очередь паладинов, все рассчитывали получить новые детали и модификации к следующей игре. Но теперь ничего не выйдет. Им придется играть без нужных частей. И то, если они вообще смогут играть. Что, по-твоему, произойдет, если я расскажу им, что это *ты* во всем виноват?

– Может быть, мне удастся достать кое-какие детали...

– О, как замечательно. Значит, я скажу ребятам, что мы можем помочь *кое-кому*. Кому именно? Заткнись, – тут же добавил он. – У тебя что, *вообще* нет никого, кто мог бы тебя подменить, пока тебе латают ребра? Даже у *меня* есть люди, которые могут занять мое место в случае необходимости, а я заправляю всем этим треклятым городом! – Вектор подвинулся немного вперед. – Тебе надо собраться, Хьюго, прямо сейчас, или я вычеркну тебя из моего списка поставщиков. И сделаю так, чтобы ты вылетел и из других тоже. Тогда тебя никто и *даром* не возьмет даже в мальчишки для битья.

Вектор заметил, как мальчишка глубоко вдохнул. О господи, он же не собирался реветь? Если так, Вектор сам отвесит ему пару тумачков. На черном рынке не нужны плаксы.

– Ну... – наконец проговорил парень. Его голос звучал ровно. – Может быть, я мог бы как-то заглазить вину... хоть немножко, – быстро добавил он, взглянув на Вектора. Глаза у него были сухими. – Совсем немножко.

– Да неужели? – Вектор глянул на него сверху вниз. – Что, достанешь просроченный заказ из своей задницы?

– Я пронюхал кое-что такое, чего не знает никто другой, – сказал Хьюго.

Вектор еще немного подался вперед.

– Это должно быть что-то интересное.

Парень замялся, вид у него был несчастный. Вектор наклонился вперед, нависая над ним. Если Хьюго не понимал, что ему немедленно следует придумать что-нибудь стоящее, он был глупее, чем казался. Или он был слишком совестливым, чтобы сдать кого-то в случае необходимости. Вектор был уверен, что о парне нельзя было сказать ни того, ни другого.

Наконец Хьюго глубоко вздохнул и сообщил:

– Дайсон Идо разрабатывает чип для киборгов, который может предотвратить любые несоответствия между старым и новым оборудованием – исключить любые задержки или прерывания. И еще он все ускорит, заставит киборгов двигаться быстрее.

– Вот как.

Вектор сделал глоток виски, чтобы мальчишка не заметил, насколько он на самом деле был поражен и заинтересован. Кто знал, что, будучи по уши в неприятностях, парень окажется таким полезным?

– Ты сказал «разрабатывает». Что это значит? Он пытается его сделать? Он его сделал? Он уже завтра запустит его в производство?

Хьюго снова заколебался.

– Он его сделал. Не думаю, что док собирается производить его прямо сейчас. Но когда все будет готово, он наверняка станет раздавать его бесплатно, как обычно. У многих киборгов есть старые детали, которые...

– Не разговаривай, когда я думаю, – негромко сказал Вектор. – Дайсон Идо сделал чип, который исправляет проблемы с совместимостью старого и нового оборудования, и вместо того, чтобы продать его тем, кто хорошо заплатит, он собирается раздавать его задаром. Это ты пытаешься сказать?

Хьюго открыл было рот, потом кивнул.

Вектор смотрел на него так долго, что парень начал поеживаться. Пускай. Хотя информация в какой-то – незначительной – мере и заглаживала вину Хьюго, Вектора злила сама мысль, что, не запоздай Хьюго с доставкой, он бы ничего не узнал, и чип стал бы доступен всем, а

Вектор не смог бы этому помешать. И куча ходячего мусора, который просто напрасно гоняет воздух, дожидаясь собственной кончины, стала бы работать лучше, чем она того заслуживает.

– Так что с тобой стряслось на самом деле? – спросил Вектор. – Расскажи все подробно. У любой взбучки должна быть причина, пусть даже самая глупая.

Хьюго рассказал о том, как украл браслет, который раньше принадлежал его матери, и как потом банда южан его отобрала и избила парня за то, что он остановился возле мусорной кучи.

– Должен заметить, – произнес Вектор, когда мальчишка договорил, – что это самая жалкая и дурацкая история, которую мне приходилось слышать.

И снова Вектор заметил в глазах Хьюго гнев, который быстро уступил место безучастному, покорному выражению.

– Хьюго, когда я тебя нанял, я не поставил рядом с твоим именем звездочку и сноску «Если только он не слишком занят воспоминаниями о мамочке». Если ты выполняешь мои поручения, то *это твоя работа*. Ты не отправляешься в какую-то дыру по какому-то глупому поводу, который никак не связан с *твоей работой*. А в южной части города нет ничего, – *ничего!* – что могло бы иметь отношение к *твоей работе*. Ясно?

Хьюго снова кивнул.

– Если тебе так нужно, купи себе браслет. Я плачу тебе достаточно. Хочешь тарашиться на него и предаваться воспоминаниям? Занимайся этим в свободное время. То есть когда ты не занят *своей работой*. Все ясно?

Еще один кивок.

– Прекрасно. А теперь убирайся с глаз моих и достань мне то, что я заказывал. И если ты еще хоть раз опоздаешь с доставкой, никакой самый распонтовый чип на свете тебя не спасет. Давай, *пошел!*

Парень так быстро исчез из салона, будто Вектор приласкал его электрохлыстом. Вектор не обернулся, чтобы поглядеть, как он бежит. Может быть, стоило ему слегка накомылить, подумал он и велел водителю ехать домой. Но он ведь хотел только припугнуть парня, а не причинить ему вред – шишек мальцу и так хватало... И вовсе не из душевной мягкости. Парни вроде Хьюго плохо реагировали на телесные наказания. Они не дрались и не уважали физическую силу, предпочитая сбежать.

Кроме того, это был первый его проступок. Вектор был уверен, что скорее в аду понадобятся снегоуборочные машины, чем Хьюго снова оплошает. Да и информация на самом деле была чертовски полезная. Позднее он может даже наградить парня, чтобы тот не забывал, как это правильно – рассказывать работодателю все, что удастся разузнать.

Вектор все еще немного злился, что парень не рассказал о чипе до тех пор, пока не вляпался в неприятности, но гнев уже понемногу утихал. Ему следовало направить всю свою умственную энергию на то, чтобы придумать, что делать с этим чудо-чипом. Затаить обиду он сможет и потом, если это окажется выгодно.

* * *

Хьюго мчался, пока его и лимузин не разделяло по меньшей мере шесть кварталов. Для уверенности он спустился на улицы нижних уровней под заброшенным виадуком. Сюда практически невозможно было спуститься на лимузине. Потом он спрятался в тени ведущих обратно наверх каменных ступеней, чтобы перевести дух.

Он поступил ужасно, предав дока. Вектор придумает способ украсть чип и использовать его для своих целей. Для моторбола – однозначно, и еще черт знает для чего. А Идо останется не у дел. В конце концов, его бывшая жена работала с паладинами на трассе. Она наверняка сумеет разобраться с чипом, может быть, даже сделает другой, лучше этого. И тогда его получат

только те, кто сможет заплатить обычную ставку Вектору, а значит, фабричным киборгам не видать его как Залема.

Но что бы ни случилось, док никогда не должен узнать, кто его предал. Через какое-то – очень и очень долгое – время, когда Вектор расшедрится настолько, что ему уже не будет дела до запоздавшей доставки, Хьюго может поговорить с ним об этом.

Ну разумеется. А после этого Вектор наверняка пригласит его в свой шикарный кабинет пропустить пару стаканчиков. Они побеседуют о делах, наслаждаясь видом из окна. Может быть, Вектор даже спросит, не присмотрел ли он каких-нибудь перспективных игроков для моторбола.

Вектору никогда даже не придет в голову сообщать Идо или кому-либо еще, откуда он получил информацию. Маленький секрет Хьюго будет глотать только его совесть. Никто никогда не узнает об этом. И о том, что склонность спасать собственную шкуру предательством была семейной чертой, которая распространялась не только на кровную родню.

Глава 4

Идо работал до изнеможения, потом вышел наружу и прошелся с фонариком по мусорной куче. Вернувшись домой со своей скромной добычей, он разделил ее на три категории: «пригодно», «возможно» и «маловероятно». Потом поделил третью категорию на «сомнительно» и «безнадежно». И вот сейчас, в какую-то невероятную рань, он сидел, вдыхая аромат ромашкового чая; его выпученные глаза походили на два сваренных вкрутую, а потом высушенных яйца.

Идо всегда спал мало. Поначалу это очень беспокоило Кирен. Ее охватывала тревога всякий раз, когда она просыпалась в одиночестве. И, отыскав его, она непременно сообщала об этом. Идо извинялся и шел обратно в постель. Иногда он оставался рядом и смотрел, как она спит, пока небо не начинало светлеть и он сам не засыпал.

Но порой он подымался, как только был уверен, что Кирен уснула. Он читал или работал над какой-нибудь новой модификацией. Прекрасные жители Залема обожали всякие модификации. Для каждой надо было получать разрешение Новы, и он далеко не всегда соглашался. Нова говорил, что обитатели летучего города должны обладать превосходными качествами сами по себе, чтобы заслужить дальнейшие модификации. Они должны быть лучше жалких наземных созданий даже без механических частей.

Он был главным во время войны. Все остальные города пали, но Залем по-прежнему висел в небесах. Уже поэтому казалось вполне разумным оставить его главным.

Триста лет спустя, плюс-минус пара десятилетий, он приказал Идо, Кирен и их неполноценной дочери, не вписывавшейся в его видение совершенного города, покинуть Залем и отправиться на землю со всеми ее уродствами, низкосортными товарами и сломанными машинами. Кирен надеялась убедить его передумать.

Вспоминая об этом теперь, Идо гадал, не надеялась ли она, что Нова сжалится над ней и предложит выбор: остаться одной на Залеме, или отправиться на землю с Идо и их дочерью. Идо знал, что Нова никогда бы этого не позволил. Но он знал, и что выбрала бы Кирен.

Он знал об этом и тогда, просто не хотел признать. Он говорил себе, что женщина, которая шла его искать, проснувшись среди ночи в одиночестве, ни за что не осталась бы одна на Залеме.

Нова сказал бы Кирен, что матери однозначно ущербного ребенка нет места среди жителей летучего города. Но Нова отказался ее принять.

Если бы не дочь, Кирен провела бы первый год на земле в состоянии кататонии. Но в ней оставалось достаточно материнских чувств, чтобы заботиться о ребенке, и достаточно сострадания, чтобы основать клинику вместе с Идо. Они нашли старое здание, на первом этаже которого когда-то был зубоучебный кабинет. Старое здание давно пустовало. Но строение было крепким, и после небольшого косметического ремонта оно стало их домом с клиникой на первом этаже.

Идо и Кирен сделали для дочери новое кресло-коляску, и она радостно разъезжала в нем. Кирен обучала ее сама, но со временем девочка стала заговаривать о том, чтобы пойти в школу, как другие дети. Кирен заявила, что об этом не может быть и речи, потому что в здании школы нельзя было передвигаться на коляске. Идо не был уверен, что это правда, но если делать так, как хотела Кирен, у нее было меньше поводов страдать.

Их дочь, напротив, вовсе не страдала. Для нее изгнание было приключением. Ей нравилось помогать в клинике, общаться с пациентами – они говорили с ней куда дружелюбнее, чем жители Залема. Идо не стал объяснять, что местные жители не считали ее неполноценной.

Он думал, или, скорее, надеялся: со временем Кирен поймет, что девочке пойдет на пользу то, что окружающие считают ее нормальным человеком, или, по крайней мере, не уро-

дом. Но Кирен приходила в ужас от того, как по-новому, открыто вела себя ее дочь, которой хотелось вращаться среди людей, не знавших в жизни ничего, кроме земли у них под ногами.

Впрочем, время от времени на Кирен наваливалось столько дел, что она забывала о своих страданиях. Пациенты были невероятно счастливы появлению клиники, где их лечили за посильные деньги, и даже если они вообще не могли заплатить. Их благодарность выражалась в непривычной для Кирен манере, и Идо видел, что порой ее это глубоко трогало. Хотя она по-прежнему не могла понять, как люди могут быть счастливы без вещей и материальных благ, которых ей так не хватало.

Потом они обнаружили моторбол. Точнее, моторбол нашел их после того, как один пациент, бывший паладин, а теперь воин-охотник, разнес весть о новых киберхирургах и их невероятных способностях. Жизнь Идо и Кирен, которые до этого едва сводили концы с концами, изменилась в одночасье. Владельцы команд хорошо платили – деньгами, привилегиями и одолжениями – и предоставляли лучшие материалы и оборудование для работы. Моторбол оплачивал клинику, оставляя достаточно средств для нового проекта Идо: нового тела для их дочери.

Девочка была счастлива, но ее здоровье ухудшалось с каждым днем. Ей тяжело было дышать загрязненным воздухом Айрон сити. Климат здесь был невероятно влажным. Ходила шутка, что в городе нельзя останавливаться без движения, иначе покроешься той же плесенью, что покрывала все вокруг. Приходилось проводить частые обследования и сеансы ингаляционной терапии, чтобы убедиться, что в легких девочки не поселились вредоносные микроорганизмы.

Идо сумел убедить Кирен, что им следует полностью заменить тело дочери. Женщине не хотелось превращать девочку в ПЗ-киборга, но в конце концов она согласилась, что это единственный способ сделать ее жизнь если не *нормальной*, то, по крайней мере, не такой короткой.

Они вместе взялись за работу, и Идо знал, что Кирен вкладывала в нее душу. Когда она наносила на руки и ноги кибернетического тела цветочный узор, ее губ касалась редкая улыбка искреннего воодушевления.

Идо начал верить, что Кирен наконец увлечется моторболом, клиникой и работой над новым телом для дочери, погрузится в эту жизнь и перестанет ее ненавидеть.

Кирен увлеклась моторболом не меньше него. Может быть, даже больше. Ей нравилось возбуждение, она оживлялась, когда нужно было на ходу починить оборудование игрока, и радовалась, когда ее паладин забивал выигрышный гол. Но все это – вопреки себе, а не потому, что она смирилась с тем, из чего состояла его жизнь. Моторбол был для нее тем же, чем для других алкоголь или наркотики – способом ослабить боль существования. И, как и в случае с алкоголем или наркотиками, это приносило только временное облегчение. Боль никуда не девалась, поджидая момента, когда игра закончится и ликующие толпы разойдутся по домам.

Идо думал – надеялся – что работа над новым телом для их дочери пойдет жене на пользу. Возможность видеть свою дочь не прикованной к инвалидному креслу, а здоровой и сильной, могла убедить Кирен, что в столь ненавистной ей жизни на земле существовали и радости. Может быть, она даже вспомнит, что на Залеме им не позволили ей помочь. Может, это сломает стену страдания, которой она себя окружила, и впустит хотя бы крошечный лучик света.

И как знать, все могло сложиться именно так. Но в отвратительном влажном воздухе и грязи Айрон сити девочка все слабела. К тому времени, как они завершили работу над ее новым телом, она была слишком слаба, чтобы перенести хирургическое вмешательство. Даже общая анестезия могла ее убить. Им нужно было укрепить ее организм, чтобы она смогла перенести физическую нагрузку и выздороветь после операции. Идо стал покупать на черном рынке более питательные продукты и ингредиенты, из которых можно было изготовить витамины и пищевые добавки.

Кирен говорила, что все это напрасно, что ничего не сработает и их дочь никогда не сможет достаточно окрепнуть. Но Идо стоял на своем, и, чудо из чудес, девочка начала поправляться. Процесс шел медленнее, чем хотелось бы Идо, но он шел. Дочь даже говорила, что чувствует себя сильнее. Идо знал, что это было не просто самовнушение – цвет ее лица улучшился, она начала набирать вес.

А потом время вышло.

Ограбления случались в клинике достаточно редко; как правило, взломщик искал себе дозу. Идо держал все самое ценное в сейфе в подвале, так что несчастному киборгу-наркоману было нечего взять. Это, разумеется, не помешало ему перевернуть помещение вверх дном.

К своему ужасу, Идо узнал грабителя. Один из паладинов, которых обслуживали они с Кирен, молодой и сильный, лучший претендент на модификации, способный быстро оправляться и приспосабливаться к новому оборудованию. Но удача длилась недолго, он играл все хуже. Ни талант и честолюбие, ни стимуляторы не могли преодолеть несоответствия между новым и старым оснащением. И однажды владелец команды, скользкий подонок по имени Вектор, щеголявший шитым на заказ костюмом, краденными туфлями и недоброй улыбкой, вышвырнул его на улицу.

К тому времени Идо и Кирен много работали на Вектора. Он платил лучше других и мог достать детали и оборудование, которые до того казались Идо недоступными земным обитателям. Но Идо все равно отказался подписать с ним эксклюзивный контракт. Вектор был не просто хищником. Он был жадным. Он смотрел на все вещи – включая Кирен – так, будто гадал, каковы они на вкус. Когда Идо и Кирен работали на арене вместе, Вектор держался на расстоянии, но Идо знал, что это объясняется отнюдь не уважением к их браку. Вектор просто не хотел портить отношения с лучшими спецами по моторболу в городе.

Со своими игроками он был не таким деликатным. Они либо побеждали, либо вылетали. А вылетев, они уже не могли получить первоклассного обслуживания, положенного паладинам. В том числе стимуляторов, которые, как считалось, налаживали сообщение между кибернетическим телом и живым мозгом. Наркотик активировал нервные клетки, заставляя их работать быстрее и интенсивнее. Одним из побочных эффектов было ощущение неуязвимости. Другим, менее приятным, – привыкание, как физическое, так и психологическое.

Вломившийся в клинику киборг уже продал кое-какие собственные части, чтобы заплатить за наркотик. Его левая рука превратилась в путаницу дешевых заменителей тех компонентов, что были у него, когда Идо видел его в последний раз. От правой осталась только половина. Ему больше нечего было продавать.

Идо надеялся заговорить его и вколоть успокоительное, но киборг уже догадался, что ему не удастся ничего найти. Он зашвырнул Идо в стеллаж и бросился прочь в надежде отыскать нужное в другом месте. Вот только дочь Идо оказалась между ним и выходом.

Она не представляла серьезной помехи.

* * *

Следующие несколько дней все вокруг казалось Идо загустевшим, размытым и бесцветным, как будто мир погрузился под воду, в ил. Воины-охотники, которых он прежде лечил, приходили в клинику, обещая отплатить подонку, который убил его несчастную дочурку. Идо мог даже насадить его голову на пику, если бы захотел. Идо честно признался им: это звучало заманчиво. Кирен заперлась в спальне дочери и не хотела видеть никого, включая Идо. Особенно Идо.

Охотники говорили Идо, что ей нужно время. Что родителю трудно хоронить ребенка, но для матери утрата всегда тяжелее, потому что ребенок вышел из ее тела. Не важно, как давно – физическая связь оставалась навсегда.

Других соболезнований Идо не услышал, ни тогда, ни потом.

Кирен провела в спальне дочери пять дней и ночей. На шестой день она пропала. Идо удивился лишь тому, что не услышал ее. Он был уверен, что не спал всю предыдущую ночь, но, по всей видимости, он задремал как раз тогда, когда она уходила.

Попытался бы он ее остановить? Он не знал. У него не было сил даже жалеть, что она ушла. Когда пройдет онемение, он будет ужасно по ней скучать. Но Идо не знал наверняка, что бы он сказал, если бы застал тогда Кирен в дверях с чемоданом. Он подумал, какое это невероятное облегчение – избавиться от ее неустанных страданий.

Кирен винила его в смерти дочери. Она не сказала этого напрямую – после той ночи они еще долго не разговаривали, но он знал это наверняка. Хотя они и работали оба с бывшим паладином, она должна была винить его. Взять хотя бы часть вины на себя было для нее невыносимо. Это *он* виноват в том, что они работали на трассе для моторбола. *Он* виноват, что они вместе основали клинику. *Он* виноват в том, что они не смогли избежать изгнания. Если бы он был достаточно сильным, умным и умелым, им разрешили бы остаться на Залеме и их дочь была бы жива. И Кирен не прожила бы последние годы рядом с дочерью, ненавидя собственное существование.

Идо скучал по Кирен. В городе, где продажность была нормой, а достойные доверия люди встречались нечасто, жизнь одиночек становилась особенно тяжелой. И, тем не менее, он каким-то образом выстоял. Может быть, потому, что Айрон сити состоял из ошметков, обрывков и сломанных вещей – он отлично вписывался в пейзаж.

Скучая по Кирен, Идо в то же время испытывал облегчение от того, что ее больше не было рядом. Он винил себя в смерти дочери, и всегда будет винить. В этом помощь Кирен ему не требовалась.

* * *

Кирен ненавидела свою квартиру.

Она возненавидела ее с первого взгляда, но жилье находилось в нескольких кварталах от стадиона, а теперь, когда ей приходилось добираться до работы и обратно в одиночестве, это имело значение. Вторым достоинством квартиры было то, что Кирен не приходилось делить ее с Идо. Она не стала ее домом, но нигде в Айрон сити у нее не могло быть своего дома. Это была уродливая грязная дыра со зловонным воздухом, гнилой водой и тяжелой жизнью, которая становилась только хуже. Все время одно дерьмо, говорили здешние дети, тоже ужасные. Почти все они были малолетними преступниками, быстро вырастали и становились ворами, мошенниками и делягами на черном рынке, готовыми на все ради скудного заработка. Который они тратили бог знает на что.

Их грязные физиономии мелькали иногда даже на трассе для моторбола. Первый раз, когда Кирен обнаружила перед собой мелкого прощелыгу по имени Хьюго, она решила, что тот, должно быть, пробрался внутрь тайком. Мальчишка еще даже бриться не начал, но продемонстрировал ей коробку с сервомоторами и десятком плат. Кирен позвонила Вектору и спросила, не открыл ли он детский сад.

Вектор спустился из своей роскошной ложи и официально представил ей Хьюго, а потом извинился, что не сделал этого раньше.

Я велел Хьюго доставить новые товары прямо к тебе, – угодливо заговорил он. – Подумал, что они тебе как раз пригодятся. Хьюго у меня поставщик номер один, когда речь о вещах, которые трудно достать. Или тех, что нам вечно не хватает. Я еще ни разу не слышал, чтобы кто-то на арене сказал: «Сервомоторов нам хватит». Так ведь?

Она кивнула, чувствуя себя так, будто Вектор одновременно уговаривал и выговаривал.

Хьюго ей не нагрубил? Выражение на лице Вектора сменилось с угодливого на угодливо-озабоченное.

Все в порядке. Проблема не в нем, заверила Вектора Кирен. Она просто удивилась. Она не знала, что на трассу пускают детей без сопровождения.

Вектор от всей души рассмеялся. *О, дорогая моя Кирен! Хьюго – мальчишка, а не ребенок.*

Потом пришли Идо с Клеймором, левая рука которого болталась на одном проводе, и Вектор исчез, как делал всегда, стоило показаться ее мужу, если только не хотел сообщить что-то им обоим. Все из-за Идо. По тому, как он смотрел на Вектора, Кирен догадывалась, что Идо терпел его только ради работы, и порой его терпение было на грани.

Кирен спросила его, как он мог испытывать неприязнь к тому, кто платил так щедро. Фактически Вектор единолично покрывал расходы их клиники. Если бы не он, им давно пришлось бы прикрыть лавочку. Идо сказал что-то о помощи бедным и обездоленным за счет того, кто сделал их такими. Кирен ответила, излишняя самоуверенность – не самая привлекательная его черта.

Про себя она решила, что он просто ревнует. Идо никогда не был ревнивым, никогда не завидовал чужим вещам или способностям.

Но то было на Залеме. В Айрон сити даже святого слегка напугал бы привлекательный и явно влиятельный мужчина, одетый в костюм ручной работы и качественные кожаные ботинки и разбрызгивавший повсюду в собственном лимузине. Вектор всегда был одет безупречно, прямо как когда-то они с Идо.

Кроме того, он прекрасно изъяснялся, по крайней мере, для Айрон сити. Стоило ему сказать всего несколько слов, и Кирен стало ясно, что он старался как мог, имея только базовое образование и интеллект чуть выше среднеуличного. Но ей было с чем сравнивать. Всякому, кто родился на земле, Вектор должен был казаться высшей формой жизни. Большая часть жителей Айрон сити видела его именно таким. На Кирен произвело впечатление то, какого успеха он сумел добиться при столь скудных ресурсах.

Живи они в Залеме, Дайсон Идо, которого она знала и любила, с легкостью затмил бы его. Но здесь, внизу, Вектор показал ей, как опустился Идо. Задолго до *той* ночи Идо начал как-то съеживаться и блекнуть в ее глазах. Может быть, ему казалось, что это она удалялась от него. Но на самом деле все было наоборот.

День за днем они работали в клинике, но она была не *с* ним, а просто в том же месте. Приняв изгнание, Идо сдался. Он лишился прежней своей силы и обаяния, и ничто не могло помешать им отдалиться друг от друга. Даже их дочь. Идо был совершенно слеп, он не видел того, что происходило у него под носом.

Кирен поднялась из-за поцарапанного, кривобокого кухонного стола – одного из невыразимо жалких и убогих предметов мебели в квартире – достала пакетики и воду в бутылках, которые Вектор преподнес механикам после последней игры, и заварила себе еще одну чашку чая. Чай вроде бы был взят из партии, предназначенной для Залема, а вода разливалась в личной винокурне Вектора, но все равно вкус казался ей немного странным. Может быть, все дело в ужасном воздухе.

Она открыла пошире окно возле стола и включила напольный вентилятор. Стало немного легче. Этой ночью было слишком душно даже по меркам Айрон сити. Высунув голову из окна, Кирен взглянула в затянутое тучами небо, не на облака, а на темный силуэт, на диск летучего города. Внизу у погоды было только три основных варианта: дождь, подготовка к ливню и последствия ливня. С редкими проблесками голубого неба. Боже, как она скучала по Залему!

Она не могла простить Дайсона за это, и никогда не сможет. *Он* ведь признал поражение, смирился с приговором Новы – доставленном бюрократами! – без боя. Это *он* сделал капсулу, чтобы они могли приземлиться среди кучи *мусора*. Как будто там им было самое место! Это *он*

решил открыть клинику и помогать тем, кто оказался в худшем положении, чем они. Как будто могло быть что-то *хуже*! Никто в этом жалком городишке не потерял столько же, сколько они.

Но попытался ли Дайсон вернуть хоть *что-то*? Конечно, нет. Он был слишком занят, играя в святого, помогая так называемым невезучим. Вспоминая об этом теперь, она не могла с уверенностью сказать, сколько еще прожила бы с ним под одной крышей. Казалось, он вполне доволен жизнью среди мусора, ничего не имея, ничего из себя не представляя, ничего не делая – по крайней мере, ничего стоящего, хотя знал, как она несчастлива. Он, наверное, считал себя терпеливым. На самом же деле он путал терпение и безучастность.

Ну хотя бы его прославленная бессонница позволяла ей спокойно отдохнуть. Они так много и тяжело работали, и Кирен так уставала, что у нее не было сил ни для физической близости, ни для оправданий своему нежеланию. Впервые в жизни она была рада его бессоннице.

А потом их дочь...

Кирен научилась отгораживаться от этого воспоминания. Худшее, что только может случиться с матерью. И она старалась не возвращаться к этим переживаниям. Со смертью дочери Кирен умерла и как мать, и как жена. И, тем не менее, она продолжала жить.

Но только не вместе с Идо. Не в доме, где они жили вместе с дочерью. Не в клинике, по которой девочка разъезжала в своем кресле, помогала им, раскладывая чистые инструменты и стерилизуя использованные, и болтала с пациентами в приемной. Не в доме, где Идо развесил все эти голограммы, на которых они выглядели по-настоящему счастливой и дружной семьей.

Эти картинки были такими нелепыми и возмутительными! Их дочь улыбалась, не зная ничего лучше, а Идо просто лыбился как идиот, потому что и был идиотом. Идо сделал так, что даже *она* кое-где выглядела счастливой. Как будто сам воздух, которым ей приходилось дышать, не вызывал у Кирен отвращения. Как будто она не ненавидела грязь, которая покрывала ее обувь, одежду и всю ее жизнь. При взгляде на эти кадры всякий мог решить, что они были маленькой счастливой семьей, живущей на земле.

Ничего подобного. Даже близко.

Больше всего ее раздражало изображение, которое Идо сумел протащить из Залема: они втроем, снятые с такого близкого расстояния, что невозможно было рассмотреть ни одной детали летучего города. Если не считать того, что все они были чистыми, хорошо одетыми и выглядели куда благополучнее, чем когда-либо на земле.

Кирен ненавидела эту голограмму больше остальных, потому что тут она выглядела *недостаточно* счастливой для жительницы Залема. Эта женщина на снимке, с дочерью на коленях, рядом с мужем, обнимавшим ее за плечи, была глупой, безмозглой дурой. Она не подозревала, что с ней когда-нибудь может случиться что-то дурное, хотя ее младенец, сидевший у нее на коленях, явно выглядел слишком худым и бледным. Эта женщина была такой бестолковой, она не понимала, что держит в руках собственное несчастье.

А Идо... Этот мерзавец улыбался *не так* широко, как на многих голограммах, сделанных в Айрон сити. Он не выглядел печальным, лишь задумчивым. Как будто ему не хватало мозгов сообразить, что он живет в лучшем месте на свете и должен бы ценить его. Вероятно, Идо так ничего и не понял. Как знать, может быть, он прямо сейчас по-идиотски улыбался, как будто в этом уродливом, грязном мире было что-то приятное.

Глава 5

Синяки почти сошли с лица Хьюго и стали практически незаметны. Люди больше не морщились при взгляде на него и не спрашивали, не запомнил ли он номер сбившей его машины, которая надрала ему зад.

Он до сих пор не рассказал своей команде о том, что произошло, даже Танджи и Койоми. Танджи захотел бы всех собрать и послать обратку, не думая о том, насколько здоровее были те парни. Такой уж он человек. Танджи был на улице дольше Хьюго и всей остальной команды, никто и ничто не могло заставить его спасовать. Он не старался нарочно нарваться на драку, но не боялся, если нужно, ввязаться в потасовку. Чаще всего Танджи выходил победителем, но даже проиграв, оставлял противнику кое-что на память о драке.

Он показал Хьюго несколько приемов, которые были одинаково хороши и для свалки во время игры в мотор-бол, и для самообороны. Хьюго считал, что лучшая стратегия в обоих случаях – просто двигаться быстрее всех, но она работала только если оставаться начеку, особенно на чужой территории.

И вот полторы недели спустя Хьюго снова оказался в южной части города. Действуя очень, *очень* осторожно, он следил за парнями, которые избили его и отобрали браслет его матери. Припарковавшись в переулке, он наблюдал за бандой, тусовавшейся на местной южной разновидности рынка, глядя на которую, Хьюго порадовался, что живет в центральной части города.

Рынок был не таким уж маленьким, но всем приходилось жаться в тесноте, чуть не на головах друг у друга. Как будто южная окраина не хотела выделять им места больше необходимого, и пусть радуются, получив хоть это. В такой вынужденной близости люди показывали себя далеко не с лучшей стороны.

На лотках с продуктами было не так много разных товаров. Фалафели выглядели пристойно, но женщина за стойкой беспрерывно орала на своего подмастерья. Хуже всего с точки зрения Хьюго было то, что на рынке не было уличных музыкантов. Они могли бы немного развеять мрачную, нервную и в целом недружелюбную атмосферу.

А может, и нет. Один из напавших на Хьюго парней стал приставать к женщине, которая имела неосторожность оказаться в зоне его досягаемости, пока искала место, где можно сесть и съесть только что купленный сэндвич. Женщина надавала ему по рукам под аккомпанемент выкриков и улюлюканий остальной команды. В конце концов она вовсе ушла с рынка, не обращая внимания на свист и причмокивания. Проходя мимо Хьюго, женщина бросила на него неприязненный взгляд. Он ее не винил. Женщина выглядела лет на тридцать, была немного полновата и одета в рабочий комбинезон Завода. Скорее всего, она только что закончила раннюю смену в ближайшем распределительном центре, где паковала товары для Залема, и ей не дали даже спокойно съесть бутерброд.

У нее были механические ноги – Хьюго узнал походку. Все, у кого к живому торсу были присоединены кибернетические ноги, ходили одинаково. Как его отец, но только до тех пор, пока не заменил остальное свое тело. После этого он стал двигаться как остальные машины.

Своими ногами женщина могла превратить пристававшего к ней идиота в кашу. Она могла затоптать всю банду, и люди на рынке аплодировали бы ей так же, как одному из героев моторбола. Может, она не знала, на что способна? Или слишком боялась мести?

Сильные не просто наживались на слабых, они изо всех сил старались не позволить остальным осознать собственную силу.

Вот только со мной этот номер не пройдет, молча поклялся Хьюго. Может быть, вы умеете докопаться до всех остальных, но я вам не по зубам. Я больше не попадусь.

К компании присоединились двое парней, которых Хьюго раньше не видел. Они были такими же громилами, возможно чуть старше, чем их бесстрашный главарь. Или просто более потасканными. У них было больше шрамов, один щеголял кривыми, сломанными зубами. Хьюго с удивлением обнаружил, что ему их почти жаль. Несчастным придуркам только и оставалось, что таскаться следом за задирой. Танджи сказал бы ему, что глупо жалеть подонков, которые отметили бы его вместе с остальными, окажись они рядом.

Компания вышла с рынка и вразвалочку направилась дальше на юг. Хьюго последовал за ними по параллельной улице в квартале от них. Он здорово рисковал, даже держась на таком расстоянии. Он знал, что сказал бы ему Танджи: *Ты совсем сдурел, или тебе жить надоело? Что ты скажешь Вектору, если они снова тебя отделают? Жить не могу без пиздюлей, хоть убейте?*

Воображаемый Танджи был таким же занудой, как настоящий. И он был прав. Если Вектор узнает, что Хьюго поступил вопреки его приказу, он выставит вон всю их команду, пусть после той задержки они и доставили два заказа вовремя.

В таком случае Танджи может даже отправиться на поиски новой команды и забрать с собой остальных, оставив Хьюго в полном одиночестве. В Айрон сити тот, кто пытался выжить сам по себе, без команды, семьи или хоть кого-то, кому было бы до него дело, протягивал недолго.

Только у Танджи, Койоми и всех остальных были семьи. Даже если они не жили с ними, у всех были родители, тети, дяди или другая родня. У Койоми было так много двоюродных братьев и сестер, что казалось, половина Айрон сити с ней в родстве. Люди, у которых были семьи, не могли вообразить, каково живет человеку без родных. Они не представляли, что чувствует тот, у кого отбирают единственный предмет, оставшийся в память о матери, как будто это ничего не значит. Как будто сам человек

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.